

Любовный
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Елена
АРСЕНЬЕВА
Венецианская
БЛУДНИЦА

Елена Арсеньева
Венецианская блудница

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Венецианская блудница / Е. А. Арсеньева — «Автор»,

Двух дочерей родила в Венеции жена русского князя Казаринова, но восемнадцать лет пребывала в уверенности, что у нее лишь одна дочь — Александра. И вот юная красавица готовится к свадьбе с блестящим князем Андреем Извольским. Как назло, именно в это время ее сестра, некогда похищенная авантюристом Бертоломео Фессалоне, спасаясь от мести рокового красавца Лоренцо, заявила в Россию, чтобы потребовать свое имя, свое состояние, свое счастье. Александра и Лючия похожи как две капли воды, и клубок, в который в одночасье сплелись их судьбы, не так-то просто распутать...

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Часть I	5
1	5
2	13
3	18
4	23
5	29
6	38
Часть II	46
7	46
8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Елена Арсеньева

Венецианская блудница

*Две дамы, завладев моей душой,
Беседу о любви ведут согласно.*

Данте

Часть I

ЛЮЧИЯ

1

Напасти жизни

Во сне она всегда видела себя богатой...

Спала она, вернее, отсыпалась, днем, и сны были продолжением ее ночей, проведенных в каком-нибудь казино у богатого синьора или в «Ридотто», самом знаменитом игорном доме Венеции. Ее жизнь была как одна сплошная греза о том случайном и счастливом соединении богато одетых людей, заморских слуг и драгоценностей, которое зовется роскошью.

Лючия высунула нос из груды мехов – не раздастся ли манящий запах кофе, а еще лучше – горячего шоколада, самого модного напитка в этом году. Ах, что может быть лучше, чем проснуться в теплой постели, в нагретой жаровнями спальне, и долго, медленно вкушать чашку шоколада, смешивая сладкие глотки с еще более сладкими мечтами...

Вот оживленное общество собралось в ее роскошной спальне. Вся обстановка новехонькая, в стиле Louis XV. Лючия полулежит на кружевной постели. Дезбилье ее состоит из спального платья, вышитого серебром и убранного розовыми лентами, на голове чепчик из очень тонких кружев. Ах, нет, лучше пусть она будет уже причесана, и ее тугие, рыжевато-золотистые локоны сплошь перевиты жемчужными, рубиновыми, бриллиантовыми нитями. На шее – черная бархотка, точь-в-точь как у madame Помпадур. Вокруг ее ложа – cavalieri sirvente ¹ – венецианские копии французских маркизов. Вот пришел торговец драгоценностями, принесли новое зеркало, явился портной с модной материей. Потом один из ее чичисбеев ² прибежал сказать, что новая гондола ждет внизу...

Забывшись, она слишком резко откинула мех и тотчас задрожала.

Холодный ветер от лагуны коснулся ее лица. В окне было разбито одно стекло, а промасленная бумага, старательно расписанная золотой краскою под вид затейливого переплета, могла обмануть невзыскательный взор, но уж никак не январскую стужу!

Да, среди привычных напастей жизни были две особенные неприятности: холод и безденежье. Их Лючия не терпела более всего на свете, но не одна, так другая, а чаще всего – обе враз преследовали ее непрерывно.

Холодно, сыро, и все ее наряды, поутру небрежно сброшенные у постели, так и валяются неприбранными. Похоже, никто из слуг даже не вошел за весь день в ее комнату!

¹ Здесь – поклонники (ит.).

² Весьма емкое понятие в Венеции XVIII в.: друг дома, поклонник, рыцарь дамы, сопровождающий ее вместо мужа; иногда любовник.

Никто из слуг... хорошо сказано! Каково звучит, а? Но точнее будет выразиться: Маттео, их единственный слуга, лоботряс, не сыскал за весь день ни минуты, чтобы зайти к госпоже. Не иначе, отец опять его заслал бог весть куда с каким-нибудь несусветным поручением: ведь когда князь Анджольери вез на рассвете Лючию из «Ридотто», дом был темен и пуст, как могила.

Анджольери! Лоренцо Анджольери! В жизни своей не встречала Лючия человека, менее похожего на ангела ³. Было в его лице что-то если уж не дьявольское, то наверняка волчье: эти глубоко посаженные глаза, хищный нос, крупные острые уши. Красавцем не назовешь, но какое страстное, притягательное лицо... даже если забыть о том, что для Лючии было куда притягательнее внешности: несметные богатства Анджольери. Его недавно купленное и отремонтированное палаццо ярко светилось по ночам над тусклым зеркалом Canal Grande ⁴ всеми своими восьмьюдесятью окнами, и, когда Лоренцо задавал балы, сотни гондол с факелами и разноцветными фонарями подъезжали сюда и отплывали, высаживая веселых гостей...

От этого чудесного воспоминания сумрак вокруг Лючии показался еще мрачнее. Не переставая кутаться в мех, она сползла с постели и, хвала Мадонне, не промахнулась, попав с первого раза в туфельки, а не на ледяной пол. Нашарила на столе подсвечник и ощупью побрела в залу – искать, от чего можно зажечь свечу.

Где-то вдали играла музыка, толпа журчала, точно река по каменным плитам. В окна было видно, как храм Святого Марка мерцал разноцветными отблесками, а над его причудливыми куполами стущалась яркая вечерняя синева.

– Ох, ну и заспалась же я! – пробормотала, зевая, Лючия. – Надо поспешить. Пока соберусь... князь обещал заехать не позднее полуночи.

Ей стало знобко даже под мехом при воспоминании, как смотрел на нее Лоренцо, прощаясь: Лючия уже стояла на ступеньках террасы, а он – в гондоле, так что лица их были на одном уровне, и казалось, достаточно малейшего колебания волны, чтобы губы их соприкоснулись. И он прошептал – Лючия ощутила его жаркое дыхание:

– O bella donna ⁵, вы приобрели сегодня дурное знакомство! Я распутник по профессии!

За этими многообещающими словами, увы, ничего не последовало, и Лючия после неловкой паузы ушла в дом, усмехаясь про себя: о том же самом она могла бы и сама предупредить Лоренцо, только слово «распутник» следовало бы употребить в женском роде. Право же, Анджольери слишком мало еще прожил в Венеции, чтобы вести о похождениях несравненной Лючии Фессалоне в полной мере дошли до его ушей, а впрочем... впрочем, если она правильно прочла в его жгучих очах, он будет только счастлив узнать, что она дает куда больше, чем обещает, – хотя и обещает безмерно!

О господи, но где же отец? Где Маттео? Есть хоть кто-нибудь в этом темном доме?.. И тотчас послышался легкий шорох шагов по мраморным плитам. Лючия узнала торопливую, чуть заплетающуюся походку Маттео и с облегчением вздохнула. Сейчас он зажжет свет, подаст вина, принесет жаровню, согреет воду для ванны, сбегает в лавочку – у нее кончилась розовая пудра, а нынче ночью она хотела быть перед Лоренцо непременно в розовом, ну и волосы, разумеется, должны быть напудрены розовой пудрой. Розовое и золотое – она будет похожа на дивное лакомство, которое Лоренцо захочет, непременно захочет отведать. Но ему и не снилось, сколько будет стоять каждый глоточек, каждый кусочек... Пудра, да. И новые розовые шелковые туфельки – такие есть только в лавочке на Пьяццете, уж придется Маттео расстараться и сбегать туда. Но сначала – свет, а то Лючии как-то не по себе сегодня, беспре- станно знобит. И до чего тоскливо в этой темнотище!..

³ Angelo – ангел (ит.).

⁴ Большой канал (ит.).

⁵ Прекрасная дама (ит.).

Однако появление Маттео с трехсвечником в руке не развеяло ее дурного настроения, ибо стоило ей взглянуть на лицо верного слуги, испещренное тенями смятения, как стало ясно – случилось нечто ужасное.

– Что произошло? – воскликнула Лючия, пытаясь возмущением разогнать подступившие страхи. – Где ты был? Почему меня не разбудили раньше? Где отец?

– О синьорина... синьорина, – прошептал Маттео и осекся, как если бы не в силах был молвить более ни слова.

– Ради всего святого! – топнула Лючия. – Ты меня пугаешь! Немедленно отвечай, что случилось, и давай приготовь мне ванну. До полуночи не больше трех часов, а ведь надо еще одеться, причесаться. Если мы заставим ждать князя Анджольери, отец будет очень недоволен, ты ведь знаешь!

Она ожидала от Маттео чего угодно: извинений, оправданий, торопливых хлопот, но только не того громкого всхлипывания, не этой гримасы боли, искривившей лицо, не слез, хлынувших обильным потоком, не этого задыхающегося шепота:

– Он умер, синьорина Лючия! Ваш батюшка умер! О, *porca Madonna*⁶, лучше бы я оказался на его месте!

И Маттео зарыдал в голос, неловко утираясь левой рукой, продолжая сжимать в правой подсвечник, который дрожал в такт тяжелым рыданиям, и страшные тени плясали, метались, сталкивались на стенах осиротевшего палаццо Фессалоне.

Иисусе сладчайший! Отец умер!.. Грузный, бородатый, настолько не похожий на мелких душою и телом венецианцев нынешних времен, что никто не признавал его за соотечественника: иные втихомолку считали его французом, иные – итальянцем откуда-то с юга; однако Лючии он всегда казался бесшабашным цыганом – не столько по происхождению, сколько по типу всесветного авантюриста. Да она ничего не имела против, ибо любила этого лукавого человека, стремившегося подражать патрициям былых времен, особенно своему обожаемому Пьетро Аретино⁷, и даже мечтал о такой же смерти, какая поразила его кумира: Аретино умер, когда слушал какой-то непристойный рассказ и так бешено хохотал, что опрокинулся со скамьи затылком назад, на каменный пол, и расшибся. Однако, судя по словам Маттео, отец умер тоже мгновенно: мощным ударом он был сброшен в канал.

Маттео сообщил еще одну ледящую душу подробность, подтверждающую, что смерть Бартоломео Фессалоне – продуманное убийство, а не случайность: после того, как несчастный достаточно долго пробыл в воде, чтобы наверняка умереть, труп его положили на ступеньки палаццо, спускавшиеся в уединенный маленький каналетто, а к борту камзола прикрепили записку: «*Impressario in angustia*» – «Импресарио в затруднении». Точно так называлась одна из опер-буфф Чимарозы, и дело было даже не только в этом: Фессалоне в модных кругах давно прозвали Импресарио, ибо именно его хлопотами и заботами прекрасная Лючия стала той, кем стала: опасной светской авантюристкой и охотницей за мужчинами – вернее, их кошельками. И вот теперь *impressario in angustia*... а что же делать его актрисе?!

Она была так ошеломлена, что даже не могла плакать, и только недоверчиво вглядывалась в залитое слезами лицо Маттео.

О, Мадонна, что же сделал, что же мог сделать отец?!

Наверное, в отчаянии она выкрикнула вслух свои мысли, потому что Маттео удрученно покачал головой в ответ:

⁶ Итальянское выражение проклятия.

⁷ Знаменитый венецианский богач, авантюрист, друг и покровитель Тициана.

– Не знаю, синьорина. Этого я не знаю. Однако же вот что скажу вам: батюшка ваш – упокой господь его душу! – похоже, предчувствовал свою внезапную кончину и не единожды наставлял меня: «Маттео, – говорил *principe*⁸ (верный слуга упорно именовал своего господина князем, хотя у того не было за душой ничего, кроме рассказов о былом великолепии рода Фессалоне), – Маттео, – говорил он мне, – тебе одному из всех людей я верю и только тебе могу вручить судьбу моей дочери. Запомни: если, упаси бог, я исчезну, если со мной что-нибудь случится, немедля отведи синьорину в мой тайный кабинет и открой секретный ящик в стене – ты знаешь, о чем речь! Там она увидит свиток бумаг. Пусть прочтет их сразу, как только узнает о моей смерти. И если после этого она пожелает покинуть Венецию, даже не бросив горсти земли мне на гроб, знай, что я на том свете не буду на нее в обиде». Клянусь Мадонной, синьорина, – Маттео воздел два пальца, приняв самую торжественную мину, – *principe* говорил мне именно эти слова, а потому, прежде чем вы увидите его мертвое тело, извольте последовать за мной в его кабинет.

– Да ты спятил! – возмущенно воскликнула Лючия. – Убит мой отец, а я пойду читать какие-то старые письма?! Я должна узнать, кто свершил злодеяние, чтобы отомстить, а ты...

– А я, – перебил Маттео так твердо, как никогда еще не осмеливался говорить со своей госпожой, но при этом глядя на нее в восхищении, ибо она никогда не прибегала в минуты печали к обыкновенному утешению женщин – слезам, считая их ребяческой глупостью, дозволившей лишь слабым сердцам, и даже сейчас не рыдала, а желала мстить, – а я настаиваю, чтобы вы прежде всего пошли и исполнили последнюю волю покойного, а потом все остальное, не говоря уже о том, – добавил он, понизив голос, – что в письме вы можете найти указание на того неведомого врага, чья десница поразила вашего батюшку.

Лючия глянула на Маттео с меньшим негодованием. То, что он говорил, было разумно, а она всегда прислушивалась к доводам разума, ибо они звучали куда громче невнятного сердечного шепотка. Что ж, если так хотел отец... Она всегда поступала по его воле и ни разу не жалела об этом. Надо думать, не пожалеет и сейчас.

Лючия засветила свою свечу от тех, что держал Маттео, и холодно спросила:

– Чего же ты стоишь? Отец, кажется, велел отвести меня в его кабинет? Ну так веди!

И они пошли.

К удивлению Люции, они без остановки миновали ту комнату, которую она всегда считала кабинетом князя: Маттео прошел через нее так же торопливо, как через приемную и гостиную, спальню и гардеробную своего господина, и ввел Люцию в просторную мыльню, где в бассейне тускло поблескивала вода. Ступая как можно осторожнее, чтобы не поскользнуться на порфириновом влажном полу, он проследовал в нишу, где стояла назначенная для отдыха низкая, разлапистая скамья с удобно выгнутым изголовьем в виде лежащего грифона⁹, и нажал на вполне обычную с виду каменную плиту. Но, как выяснилось, она была вовсе не обычной, а скрывала некое хитроумное устройство, ибо казавшаяся недвижимой скамья легко отъехала в сторону, и трепетный свет вырвал из мрака ступени узкой и крутой лестницу, ведущей куда-то вниз. И Лючия вспомнила слова отца, на которые она сперва не обратила внимания: «тайный кабинет». Тайный!

Конечно, это был никакой не кабинет, а просто каморка, находящаяся столь глубоко в подвалах дворца, что здесь царил особая промозглая сырость, и Люции даже почудилось, будто она слышит тяжелое течение вод каналов, огибавших палаццо Фессалоне. Этого, конечно, никак не могло быть, слишком толстыми были стены, однако Лючия начала задыхаться в подвальчике, и с каждым мгновением ее была все более сильная дрожь: равно от холода и от волнения.

⁸ Князь (ит.).

⁹ Сказочный птицелев.

Ей неудержимо захотелось взбежать по лестнице, предав забвению это хранилище отцовых тайн вместе с ними со всеми. Почему-то казалось, что ничего хорошего ей не даст чтение каких-то там заплесневелых писем. И предчувствия ее не обманули, хотя бумаги вовсе не оказались заплесневелыми: они были надежно завернуты в вошаную бумагу.

Лючия нехотя развернула первый пакет и увидела стремительный, наклонный почерк:

«Дорогая моя Лючия! Если ты читаешь это письмо, значит, человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне, уже нет на свете. Похоже, кто-то из тех, перед кем я не раз грешил, наконец-то помог Паркам перерезать неровную нить моей жизни...»

Маттео так глубоко вздохнул в своем углу, что Лючии померещилось, будто вся тьма подвальная издала потрясенный вздох.

Что это значит, *rogca miseria*¹⁰: «Человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне»? Так это не настоящее имя отца? Но когда так – она, стало быть, тоже не Фессалоне и даже, может быть, не Лючия?!

Обернувшись к Маттео – из мрака поблескивали только его глаза: свеча отражалась в непролитых слезах:

– Ты знаешь, что здесь написано? Ты читал это?

– Да, – шепнул Маттео.

Ну разумеется! Этот хитрец всегда знал о своих хозяевах все и даже больше!

– Это правда – что пишет отец? Нет, быть не может!

– Умоляю вас, синьорина, читайте дальше не мешкая, – скорбно пробормотал Маттео. – И знайте: здесь все истинная правда, каждое слово!

Лючия хотела, по своей всегдашней привычке, заглянуть в конец письма, но почему-то побоялась взглянуть на подпись и, обреченно вздохнув, вновь принялась читать с самого начала.

«Дорогая моя Лючия! Если ты читаешь это письмо, значит, человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне, уже нет на свете. Похоже, кто-то из тех, перед кем я не раз грешил, наконец помог Паркам перерезать неровную нить моей жизни. Всего тебе знать не нужно. Много, очень многое я унесу с собой в могилу, и плевать мне на все проклятия, но хотя бы на том свете мне хотелось бы получить прощение от единственного существа, кое я истинно любил всю жизнь и перед кем повинен всех более. Это ты, Лючия...»

Первый раз пишу тебе, не осмеливаясь более назвать дочерью, ибо, хотя я любил тебя со всей нежностью отеческой, ты мне, увы, не дочь. Грех мой, разумеется, не в том, что я удочерил тебя: сей поступок был бы засчитан мне за благодеяние даже и Всевышним Судией, когда б я извлек некоего младенца из грязи на высоты богатства, однако тебя, моя несравненная, обожаемая, дитя сердца моего, я оторвал от чаши, переполненной самыми счастливыми дарами судьбы, о каких можно только мечтать. О, тебе никогда не узнать, сколько раз я проклял себя за свершившееся... но что проку в оправданиях! Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад – где я сейчас, надо полагать, и варюсь в самой что ни на есть кипучей смоле, на самом жарком огне, который только может разжечь нечистая сила.

Но позволь мне поведать тебе о том, что произошло 18 лет назад.

Бьянка Фессалоне, та женщина, которую ты, никогда не видя, привыкла почитать своей матерью, тогда была еще жива. Она только что разрешилась от бремени, произведя на свет мертворожденную дочь. О Матерь Божия, наш ребенок, о котором мы с моей возлюбленной супругою столько лет бесплодно мечтали, родился мертвым! Это было для нас истинной ката-

¹⁰ Черт возьми (ит.).

строфой, ведь роды проходили так тяжело, что врач удостоверил: Бьянка никогда более не сможет иметь детей, даже если и останется жива, что будет подобно божьему чуду, так плоха была она.

Я был вне себя от горя, я умолял доктора приложить все усилия, я обещал отдать все, что у меня есть, для спасения жены, однако этому мерзавцу не было никакой охоты возиться с умирающей, а потом выслушивать проклятия безутешного супруга и, чего доброго, лишиться гонорара.

– Господь милосерд, – изрек он равнодушно, – и все мы – его дети. Пусть синьора пока полежит, объятая спасительным сном (так сказал он, хотя и слепому было ясно, что это уже не сон, а предсмертное беспмятство), а я сейчас отправлюсь к русскому князю Казаринофф – его супруга вот-вот должна разродиться! – и потом ворочусь к вам. Впрочем, извольте вперед расплатиться, синьор!

И он изящно пошевелил пальцами, не думая ни о чем, только об этом золоте, которым я должен был оплатить смерть дочери – и грядущую погибель жены. Разумеется, он не собирался возвращаться, а потому спешил получить деньги.

Я сунул ему горсть цехинов, две горсти... я не соображал, что делаю. Я знал доподлинно: если даже Бьянка очнется, весть, что ребенок погиб, убьет ее быстрее пули, попавшей в сердце. В то время как сладостный крик младенца мог пробудить ее к жизни!

Решение родилось в моей голове мгновенно. Я не чувствовал себя ничем обязанным равнодушному врачу – я ненавидел его, как лютого врага. Он вышел из мрачной спальни – я за ним. Он ступил на крыльцо – я взмахнул рукою... Он упал. Я обшарил его карманы, взял его сак с инструментарием. Я не мог оставить доктора валяться здесь: очнувшись, он мог выдать меня. Один толчок – и баста! Канал шутить не любит. Вода сомкнулась над трупом, а я свистнул гондольеру и велел вести меня в палаццо близ моста Риальто, где остановился русский дипломат, у жены которого начались преждевременные роды. Но сначала... сначала я попросил свернуть в маленький каналетто на окраину, близ фабрик Морено, где жила одна женщина, занимавшаяся повивальным делом и известная по всей округе не столько мастерством своим, сколько умением обделять самые разные делишки. Думаю, в каждом городе, большом и маленьком, есть такие особы. Для людей, хорошо плативших, у нее были, по слухам, свои загадочные и гнусные секреты. Она излечивала золотуху, поставляла приворотные зелья, пособляла девицам из зажиточных семейств, вмешивалась в интриги и даже колдовала для жителей округи. Ценила она свои услуги на вес золота и жила относительно благополучно. До сих пор страшно вспомнить сумму, которую я посулил ей, чтобы она исполнила мою волю. Впрочем, я все равно не заплатил, так что о чем беспокоиться?..

Итак, мы явились в дом этих русских. Князя, помнится мне, звали Серджио – по-русски Сергей; его княгиню – Катарина: если не ошибаюсь, это имя по-русски звучит совершенно так же. Я назвался именем злополучного доктора, повитуха тоже что-то такое выдумала, уж и не помню... Только очутившись у постели беспомощной женщины, я сообразил, какую ужасную авантюру затеял! По счастью, моя сообщница отменно знала свое ремесло, и через бесчисленное, казалось мне, количество мгновений благополучно приняла младенца, которого я жадно схватил в свои объятия и устремился к окну, под которым ждала гондола. Я ожидал, что повитуха поспешит за мной, но она замешкалась, мол, нужно извлечь послед, чтобы княгиня не умерла от заражения крови, – и вдруг воскликнула: «Санта Мадонна! Это не послед, это головка второго ребенка!»

О Мадонна! Какое облегчение снизошло на мою душу! С удвоенной нежностью прижал я к сердцу новорожденное дитя. Значит, я никого не обездолил своей кражей!

Повитуха была особа весьма сообразительная и мгновенно смекнула, что теперь можно изобразить дело так, будто у княгини родилась не двойня, а всего лишь один ребенок. Не будет

ни преследования, ни угрызений совести – она получит солидное вознаграждение от князя да еще сдерет с меня увесистый кошель золота!

Итак, мы условились о встрече завтра, когда я расплачусь с ней, и она осталась принимать второе дитя, в то время как я с ловкостью циркача выбрался из окна, не отнимая от сердца свою добычу.

В мановение ока гондола доставила меня домой. Я ворвался в спальню, положил дитя возле Бьянки. Чудная, белокожая девочка – я только сейчас толком разглядел ее – приоткрыла свой хорошенький розовый ротик и издала... нет, не крик, а нежный, мелодичный зов. И, словно услышав пение ангельских труб, моя дорогая Бьянка приподняла отяжелевшие ресницы, с восторгом взглянула на ребенка и прошептала: «Лючия! Жизнь моя, Лючия!» Это были ее последние слова, и мне, который не переставал с тех пор оплакивать ее, оставалось утешаться тем, что она умерла счастливой.

Нескоро я очнулся от приступа безумного горя – жалобный плач младенца заставил меня вернуться к жизни. Ты вернула меня к жизни, Лючия, ты стала моим счастьем! А я... боюсь, я не принес тебе счастья. Я так и не смог оправиться после смерти Бьянки. Сейчас мне кажется, что с тех пор я совершил всего два разумных поступка: сначала взял у повитухи нечто вроде ее чистосердечного признания о случившемся, свидетельские показания твоего происхождения. Уже тогда, 18 лет назад, я не сомневался, что нельзя быть уверенным в однообразии своей судьбы, – теперь и ты убеждаешься в истинности этих слов. Кстати, старуху я тотчас после этого сунул головой в канал: она не дала бы мне покоя, шантажировала бы меня, разорила бы, в конце концов... впрочем, я и так разорен. А второй поступок, которым я горжусь, это то, что я нашел для тебя учителя русского языка. Ты считала, что я просто забочусь о разносторонности твоего образования, настаивая, чтобы ты говорила по-французски, как француженка, по-немецки, как немка, по-английски, как англичанка, по-русски... надо надеяться, ты говоришь на своем родном языке достаточно хорошо, чтобы ощутить себя вполне своей среди своих в России, куда я самым настоящим образом советую тебе отправиться как можно скорее. Немедленно!

В жизни я натворил немало глупостей, многим причинил беды. И ты, повторяю, моя первая – и наиболее пострадавшая жертва. Я – дурное, испорченное, развращенное существо. Одно общение со мной – человеком, который больше всего на свете, даже больше светлой памяти Бьянки, даже больше тебя, Лючия, любил свои пороки и деньги, на которые всячески можно потворствовать этим порокам, – самое общение со мной, самый воздух, который я выдыхал, увы, заразили тебя! Если бы не я... какая чистая, счастливая, безмятежная, богатая жизнь ждала бы тебя в далекой, сказочной России! Отец твой, князь Казаринофф (подлинный князь, заметь себе, не то что я, самозванец, авантюрист!), – один из богатейших людей страны. Ты составила бы блестящую партию с достойным человеком, а я... я сделал тебя охотницей за мужчинами, игральным нечистых страстей. И за это мне нет прощения. Я и просить-то его не смею...

Не знаю, чья месть настигнет меня. Много, ох как много их, жаждущих моей крови! Может быть, сын того проклятого докторишки, который не смог вылечить Бьянку, наконец-то разгадал тайну смерти своего отца. Может быть, удар нанес тот юнец, раненный на дуэли, которого десять лет назад принесли в мой дом, и я выхаживал его со всей искренней заботливостью; правда, в его кармане я отыскал несколько чрезвычайно любопытных писем, компрометирующих одну из богатейших римских фамилий, – и продал вычитанные в них сведения за хорошие деньги, на которые мы долго жили безбедно, пока им не пришел конец, как он приходит всему в мире. А может быть, на меня напал возмущенный отец, чью дочь я соблазнил и покинул... имя им легион, этим девицам, гревшим мою постель, и их обесчещенным папашам. Но скорее всего меня прикончит какой-нибудь неудачник, которого я пустил по миру за карточным столом в «Ридотто», – их ведь тоже было немало, уходивших от меня с пустыми карманами и рухнувшими надеждами! А может быть, это вовсе неизвестный мне мститель придет – и сунет

меня головой в черную воду или пырнет ножом во мраке уличного колодца, куда никакой светлый лучик не может прорваться сквозь обложившие его отовсюду гранитные толстые стены!

Да все это неважно. Важно другое! Я оставляю тебе в наследство ненависть пострадавших от меня людей. Она уничтожила меня – она может пасть и на тебя.

Как говорили в старину, *proximus ardet ucalegon*¹¹! Но, с другой стороны, *fortes fortuna adjuvat*¹².

Поверь, Лючия: если такое лживое, испорченное, распутное, алчное порождение мрака, как я, способно было любить, оно любило только двух женщин в мире: Бьянку – и тебя. Бьянка давно в раю, мне с нею не свидеться и за гробом, а тебя я заклинаю моей отеческой любовью или тем невнятным чувством, которое я так называю: оставь этот город разврата, роскоши и смерти. Покинь Венецию, и как можно скорее. Отправляйся в Россию! Там же, где ты нашла письмо, ты найдешь остатки моих сбережений. Тебе этого хватит на дорогу. Поезжай, найди семью Казаринофф, заяви о своих наследственных правах. Будь счастлива, будь удачлива, будь отважна!

Прощай, моя радость.

Твой не-отец не-князь не-Бартоломео не-Фессалоне. Да хранят тебя бог и Пресвятая Дева – и моя любовь. Прощай!»

¹¹ Беда близко (лат.).

¹² Смелым помогает судьба (лат.).

2

ПОСЛУШНАЯ ДОЧЬ

Казалось, минула вечность, прежде чем Лючия пришла в себя и осознала, где находится.

Что-то назойливо шуршало над ее ухом, и она с трудом смогла понять, что это Маттео шепчет, напоминая о наказе отца: поскорее оставить Венецию.

Отец! Лючия гневно передернула плечами. Как ни была она потрясена предсмертной исповедью Фессалоне (за неимением другого имени, приходилось пока называть его именно так), его письмо с этой странной, почти сказочной, неправдоподобной историей казалось ей неживым и увядшим, словно давно сорванный, заложенный в старинной книге цветок, от которого отлетел аромат и краски которого поблекли.

Оно было напрасным, это письмо. Оно было бесполезным!

Лючия отличалась холодным, ясным умом, наблюдательностью и точностью мысли. Известие о происхождении ошеломило ее ненадолго. По свойству своей природы она легко осваивалась с неожиданностями, а попав в неприятную ситуацию, сперва думала, как из нее выпутаться, и только потом начинала переживать. Или даже вообще не начинала – за неимением времени... Вот и теперь – она сразу оценила всю фантастичность советов отца.

Очень мило! Вообразите себе – вдруг явиться в какой-то богом забытой России, о которой доподлинно известно, что там главный город называется Сибирь и никогда не тает снег, а по улицам бродят белые медведи, а также скачут соболя. Те, кто учил ее русскому языку: служащие консульства, купцы, заезжие путешественники, – конечно, уверяли, что Россия – вполне цивилизованная, огромная страна со множеством городов, но Лючия им не верила. Так вот, явиться в эту Сибирь, или Москву, как ее зовут тамошние жители, и свалиться в семью Казаринофф, как это говорят русские... будто снег на голову. Вот именно! Только они и ждут какую-то там нищую венецианку! Так они и поверят безграмотной исповеди повитухи! К тому же вряд ли ее мифические родственники в России примут с распростертыми объятиями особу с такой репутацией, как у Лючии! Едва ли там найдется, кому оценить ее многочисленные таланты! Не окажется ли Лючия, проделав сие баснословное путешествие, выгнанной из России взащей... нет, правильно сказать в три шеи... а впрочем, русские, кажется, употребляют оба эти выражения. Может быть, лучше как следует подумать, прежде чем очертя голову бросаться следовать советам этого человека, сыгравшего в ее жизни роковую роль?

Что она умеет? Улыбаться ленивой улыбкой венецианки, скрывающей под внешней нежностью и скромностью властность, распутство и умение безжалостно прибирать к рукам мужчин. Редкая, яркая красота, блеск ума, холодная, ясная наблюдательность и точность мысли, дивный голос, артистизм и восторженная пылкость природы помогали ей уловлять в свои сети самых щедрых любовников. С соперницами она не церемонилась: не одну сделала мишенью своих ехидных острот и множества мелких, но злобных проделок. Она в совершенстве умела носить баутту¹³, скрывающую лицо, если новый любовник желал видеть в ней скромницу, однако не стыдилась обнажить в обществе грудь, напудренную и подрумяненную, как спелое яблоко, с позолоченными сосками, – если новый кавалер предпочитал вакханок. Она умело и пылко отдавалась в тесных каютках гондол, в роскошных постелях, на широких мраморных ступенях первых попавшихся террас, на игорных столах в «Ридотто», отражавшихся во множестве драгоценных зеркал, так что чудилось, будто с ней враз любострастничают не менее десятка разохотившихся, исступленных самцов...

¹³ Маска – неперменная принадлежность туалета для улицы в Венеции XVIII века.

Порою Лючии чудилось, что ее жизнь – это одна сплошная бессонная ночь, пахнущая похотью и звенящая золотом. О Мадонна, что ей делать в России?! Похоронить себя заживо в каком-нибудь сугробе? Ведь всем известно, что русские строят свои терема и избы из ледяных плит! Разве для этого старый балетный мастер под скрипку юного и несмелого музыканта обучал ее самым изысканным танцам? Разве для того она в совершенстве обучилась играть на лютне, спинете и клавесине под руководством учителя музыки – сгорбленного чудака в старомодном парике, тощая левретка которого была непременным присутствием всех занятий, и присоединяла свой голос к ариям Паизиелло и Чимарозы?.. Разве для того каждое движение ее научено искушать мужчин полнотою жизни, дразнить теплом тела, рвущегося из-под обвивающего ее шелка, огнем глаз, лукавой улыбкой чувственных алых губ и этими удивительными, золотистыми вечером, рыжеватыми днем густыми волосами, которых так много, что никакие гребни, никакие шпильки не могли удержать их в повиновении?.. И что – пожертвовать эту красоту блеклому северному безмолвию?

Нет, о нет! Никуда она не поедет. Ее место здесь! А что до предостережений Фессалоне... Баста! Довольно! Довольно, что всю свою жизнь она прожила, свято веря всякому его слову и поступая по его указке. Фессалоне больше нет, и ничто, никакое его слово для Лючии более не существует!

Мечь? О боже!

Кому взбредет в голову мстить Лючии? Разве что этой черномазой Пьеретте Гольдини, у которой она отбила Лоренцо?..

При воспоминании о страстной, искушающей, загадочной усмешке Анджольери у Лючии загорелось сердце.

Из-за каких-то пустых рассказней расстаться с Лоренцо? Не ощутив его жарких объятий, его неиссякаемого пыла – о, мужчина с такой внешностью должен быть способен на многое! Наверняка он страстен, как фавн, а его орудие не уступит мощью тому дивному копыю, которым услаждали своих пленниц мифические кентавры. Лишиться такого любовника... такого богатого любовника?!

Ну уж нет. Лючия твердо решила: она останется в Венеции, а признания этого авантюриста-неудачника будут надежно схоронены в секретном шкафчике тайного кабинета. Может быть, когда-нибудь потом, на склоне лет, разбогатев так, что ей некуда будет девать деньги, она и предпримет фантастическое путешествие в Россию. Кто-то говорил ей, что русские в постели неутомимы: очень может быть, что когда-нибудь, лет через сто, ей приспеет охота проверить это на собственном опыте. А пока – пока надо позаботиться о своем туалете. Скоро приедет Лоренцо, а она еще вовсе не готова. Пускай Маттео займется хлопотами, связанными с погребением, ну а Лючия не намерена пропускать ни одного из той череды развлечений, которые заготовила для нее жизнь!

Она повернулась к Маттео – но не проронила ни слова, испуганная выражением ужаса, сказавшим старческие черты. Вцепившись ледяными пальцами в ее руку, Маттео остановившимися глазами глядел в темный проем над их головами, откуда доносились четкие, неторопливые шаги.

Весь облик старого слуги был исполнен такого страха, что Лючия и сама задрожала, однако в то же мгновение раздался исполненный разочарования голос, при звуке которого сердце Лючии едва не выпрыгнуло из груди:

– Здесь пусто. Ее нигде нет!

Это был голос Лоренцо. Ах, как это мило, как чудно! Стало быть, так желал поскорее ее увидеть, что не смог дожидаться условного часа свидания и явился на три часа раньше срока.

Разумеется, никто из галантных cavalieri не мог решиться на такую вольность. Это изобличало несдержанный нрав, неизысканные чувства, это свидетельствовало о невоспитанности Лоренцо... в той же мере, как о его пылкости. Да плевать хотела Лючия на все правила хорошего или дурного тона! Да, он застал ее не одетой, ненакрашенной, неубранной, непричесанной, но какая же в том беда? С таким необыкновенным человеком, как Лоренцо, Лючия добилась бы очень немногого, бродя по привычным, приличным тропам! Неодета? Тем лучше. Тем быстрее он сорвет с нее ночное платье и узреет ее слепящую наготу. Непричесана? Все равно волосы Лючии растреплются еще сильнее, пока ее голова будет иступленно перекатываться по подушкам в безумье страсти. Ненакрашена? О, но ведь поцелуи Лоренцо не оставят ни следа помады на ее вспухших, искусанных устах! И постель ее до сих пор не застелена, что очень кстати. Сейчас она появится перед Лоренцо, как из-под земли и... и можно держать пари, что первый раз он овладеет ею тут же, в мыльне, на мраморной скамье, а может быть, и в бассейне. Да, конечно, в бассейне!

Желание ударило в голову Лючии, как неразбавленное вино; она ринулась к выходу, однако за мгновение до того, как ее голова высунулась из подвала, Лоренцо снова заговорил – и Лючии показалось, будто руки ее намертво прикипели к ступеням потайной лестницы.

– Запомни, Чезаре, – сурово промолвил Лоренцо, – ты не должен убивать ее сразу! Прежде всего мне нужны мои бумаги, а уж потом – жалкая жизнь этой шлюхи. Ты вообще можешь взять ее себе и делать с ней что пожелаешь – но сначала письма, письма! А теперь пошли – надо еще раз обойти дом. Что-то подсказывает мне, что она где-то здесь, неподалеку.

– Да, синьор, – произнес гнусавый голос – самый гнусавый и гнусный из всех, которые приходилось слышать Лючии, самый лживый, льстивый, мерзкий, самый опасный. Потом зазвучали удаляющиеся шаги, и Лючия наконец смогла перевести дух: она и не заметила, как перестала дышать.

Ноги ее подкашивались, и, если бы не поддержка Маттео, она, наверное, рухнула бы на каменный пол подвальчика.

Она вцепилась в плечо слуги:

– Ты слышал?! О Мадонна, что же мне делать?!

– Бежать, бежать, синьорина! – жарко выдохнул старик и повлек Лючию за собой.

Больше ее не надо было ни уговаривать, ни подгонять, однако ноги у нее подгибались от страха, в голове мутилось. Ее родной дом, как и все прочие палаццо в Венеции, был разом дворцом, крепостью и тюрьмой, но теперь Лючия чувствовала себя здесь не как в безопасном убежище, а как в западне. Впрочем, через несколько мгновений она осознала, что шаги Лоренцо звучат во втором этаже, достаточно далеко, в то время как они с Маттео бегут к боковому крыльцу, выходящему в полузаброшенный каналетто, и не похоже, чтобы Лоренцо подозревал, где они сейчас. Ей стало стыдно своей паники – более того, она вспомнила о деньгах, оставшихся в потайном шкафу, и ужаснулась, что оставила их. Однако неоценимый Маттео, словно почуяв ее мысли, показал ей увесистый мешок, который он прятал под полою камзола, – и Лючия окончательно пришла в себя. Нет, не в ее натуре было предаваться панике! Она была из тех редких женщин, в которых красота и грация сочетаются с поистине мужским умом, силой характера и решительностью. И еще прежде, чем они с Маттео выбежали на боковую террасу, выстланную разноцветными плитками и обнесенную мраморными перилами, посредине которых была открытая дверка на ступени, выходящие на широкое пространство спокойных вод, Лючия уже твердо знала, что жизнь ее в Венеции закончена, и смирилась с этим, ибо всегда с легкостью сорила деньгами – и иллюзиями.

Маттео, задыхаясь, шептал, что против Лидо ¹⁴ будет ждать барка, которая доставит Лючию хоть до Неаполя, хоть до Генуи, – куда она скажет. Денег у нее немало, а уж он, Маттео,

¹⁴ Остров близ Венеции.

весь остаток дней своих будет молить Иисуса и Пресвятую Мадонну за свою милую, маленькую, золотоволосую синьорину...

– Как?! – шепотом воскликнула Лючия. – А ты разве не уедешь со мной?!

– Синьорина, ну какой из меня путешественник, подумайте сами! – криво усмехнулся Маттео, задыхаясь от быстрого бега. Его даже слегка пошатывало, и, чтобы не упасть, он схватился за невысокое деревце с густой, плотной листвой, росшее в глиняной плоской вазе посреди террасы. – Да и не могу я покинуть моего доброго господина на произвол судьбы, хоть бы и мертвого. В жизни мы не разлучались – и в смерти я его не оставлю. А вы... вам жить да жить, не думать о былом, забыть все печали. Только бы удалось ускользнуть!

– Интересно, какие письма он разыскивает? – шепнула Лючия, зябко дрожа на сыром ветру и вглядываясь во тьму, откуда уже приближался протяжный и тоскливый крик, которым гондольеры предупреждают друг друга и ожидающих их пассажиров о своем приближении.

– Да какие б ни искал! – мрачно отозвался Маттео, чиркая кресалом, чтобы дать знак гондольеру. – Все бумаги, кроме прощального послания *principe*, я надежно запер в секретном шкафчике в подвале.

– Пускай поищет, убийца! – злорадно усмехнулась Лючия. – Пускай поищет!

Свинцовый нос гондолы гулко ударился о ступени, и Маттео с новой прытью повлек Люцию по террасе.

Она порывалась поцеловать своего спасителя – ведь если бы не самоотверженность и прыткость Маттео, она уже была бы в руках убийцы! – или хотя бы высказать ему всю свою благодарность и любовь, однако Маттео, как одержимый, заталкивал ее в гондолу.

– Прощайте, *bella signorina*! Прощай, дитя мое! – прошептал наконец Маттео.

– Прощай! – отозвалась сквозь невольные слезы Лючия. Лодка отчалила, завернула за угол – и Маттео больше не стало видно.

Лючия проскользнула под низкую крышу в тесную, душную каюту гондолы, потом нетерпеливо выскочила с другой стороны и примостилась на носу, около огромного свинцового конька, который украшал этот нос.

Темные громады зданий разворачивались перед ней, заслоня звездное небо. В этом тихом и пышном квартале, откуда днем была видна лагуна и снежные горы Фриуля, она провела всю жизнь, а теперь покидала его – надолго? Может быть, навсегда!

Ночь опустилась на тихие воды, луна показалась из-за аркады Дворца дождей, и великий город заблестал перед Лючией в неге и непобедимой красе.

Уплывали от нее все эти набережные, улочки, площадки, лабиринты венецианских переулков, узких каналов, на которых с утра до вечера играла музыка, и пары, опьяневшие от страсти, танцевали морфину или фурлану. Уплывало движение человеческих волн на мостах делла Палья и Риальто, украшенных множеством лавочек, витрин, окон, в каждом из которых многоцветно сверкали бусы, зеркальца, жемчужные нити, граненое стекло – те наивные блестящие мелочи и истинные драгоценности, которыми очаровательна Венеция. Вот мягко повернулась и заслонила луну темная, колоссальная масса собора Святого Марка с просторной площадью пред ним. Днем там тесно людям и голубям – птицы живут здесь из поколения в поколение, и ежегодно в смету городской управы вносится статья на их прокорм. Сейчас наступила ночь, зажглись огни, голуби легли спать. Не слышно их гульканья, плеска крыл – только журчит вода под веслом баркайоло – так называют в Венеции гондольера, – который трогательно и печально выкрикивает на поворотах свое «берегись!». С каждым новым плеском волны тени набегали на город и быстро сгущались. Ночь закрывала его от глаз Люции, словно набрасывала на мосты, каналы, палаццо черный *zendaletto* – кружевной платок венецианки. Вот впереди лагуны под-

нялся из воды образ святой Девы Марии, укрепленный на плотике. Перед ликом Мадонны теплились лампы, возженные скромными рыбаками.

Лючия перекрестилась, с трудом сдерживая слезы.

– Addio, Venezia la bella ¹⁵! – прошептала она и прикусила губу, чтобы не разрыдаться в голос.

Прощай, прощай, Венеция! Лючия покидает тебя. Впереди неизвестные пути, дальние страны... Россия! Неужто все же Россия?! Ну что же, знать, такая судьба. Придется князьям Казаринофф принять в свое лоно венецианскую родственницу, хотя они того или нет.

Она позабыла... начисто позабыла о том, что прощальная исповедь Фессалоне вместе с показаниями повитухи, удостоверяющей ее, Лючии, благородное происхождение, так и остались валяться там, где их выронила из своих рук девушка: в потайном кабинете, а вход они со старым Маттео совсем забыли закрыть.

¹⁵ Прощай, прекрасная Венеция! (ит.).

3

Встреча в храме

Когда Лючия что-то для себя решала, ничто не могло остановить ее на пути к цели. Пропажу писем, которые должны были восстановить ее права в России, она обнаружила достаточно скоро, уже в Риме, – однако достаточно поздно, чтобы воротиться за ними. Наверняка подлый Лоренцо только и ждет, когда беглянка сочтет бурю успокоившейся и прилетит к родительскому очагу! Нет уж, нет! Лоренцо ведь и вообразить не может своим свирепым умом, что она успела узнать в тот знаменательный день! Из зернышек, которые письмо Фессалоне посеяло в ее сердце, уже вырос целый заколдованный романтический лес, полный чудес и теней, и все, что казалось прежде фантастичным и недостижимым, теперь представлялось реальным и почти свершившимся. Она уже видела себя богатой, знатной, спокойной в завтрашнем дне... впрочем, это были те же мечты, которые день и ночь одолевали ее в венецианском палаццо, разве что воображала она себя теперь не в окружении жгучих брюнетов в коротких плащах, а среди белокурых великанов в собольих шубах. В мечтах она еще жила прошлым... Но чем больше проходило дней, чем дальше уносил ее бег резвых коней, впряженных в дилижансы, почтовые или наемные кареты (некое чувство заставляло ее теряться в массе народа, подсказывая, что от Лоренцо с его неумолимой мстостью можно ожидать и преследования), тем острее чувствовала, как разительно будет отличаться от ее прошлого это неведомое будущее. Так же, как *la bella Venezia* отличается от места, куда Лючия занесена была своей блуждающей звездой.

Уже подходил к концу март. Там, в Италии, дышит ароматами весны и моря ясный, бледно-голубой воздух. Прохладный ветер с Адриатики едва-едва колыхнет сплошь осыпанные розовым цветом миндальные деревья. А здесь все покрыто сплошным белым саваном. Какая, к черту, весна! Дорога была скользкая, и ветер прежесткий, и такой мороз, что Лючия едва могла шевелить пальцами.

За исключением редких хижин, разбросанных на пространстве между почтовыми станциями (здесь их называли «ямы», и Лючию бросало в ужас от этого слова), она не видела никаких признаков цивилизации. Можно было подумать, что проезжали через пустынную страну, где нет ни городов, ни домов, где встречаются только густые леса, которые, будучи покрыты снегом, представляют фантастическое, романтическое зрелище. Лючии часто виделись различные фигуры, образованные снегом на стволах и сучьях деревьев, и тогда казалось, что она видит медведей, волков и даже неких белых людей меж ветвями! Лючии приходилось слышать о русских *briganti*¹⁶, однако путь ее был вполне безопасен: похоже, все местные разбойники залегли в берлоги, подобно медведям, а потому большая дорога была спокойна для путешественников.

Лючия еще в Польше рассталась с более или менее цивилизованной каретой и теперь ехала в санях, похожих на колыбель. Они были сделаны из дерева и покрыты кожей; в них она ложилась, как в постель, с ног до головы укутавшись в меха и укрывшись ими. Здесь мог поместиться только один человек, что оказалось весьма неприятно для Лючии: не с кем было побеседовать. А ведь всякая беседа была для нее уроком русского языка, столь необходимым для будущей жизни, ибо, привыкнув смеяться в «Ридотто» над иностранцами, неблагозвучно коверкавшими певучую итальянскую речь, Лючия вовсе не желала превратиться в объект для русских насмешек. По счастью, у нее был прекрасный музыкальный слух и незаурядный дар подражания, которые позволили с лету сообразовать ее не слишком-то уклюжий, неповоротливый, заученный русский с особенностями живой обиходной речи. И если на первых посто-

¹⁶ Разбойники (ит.).

ялых дворах она видела нескрываемые насмешки, стоило ей спросить себе еды и постель, то чем дальше, тем реже ее произношение вызывало чье-то удивление. Пусть у нее не было собеседников – ее учителями невольно становились ямщики.

Привыкнув сопоставлять прошлое и настоящее, Лючия сначала почти с ужасом сравнивала мелодические песни гондольеров с заунывным речитативом русских возниц. Сначала они томили ее, подобно тому, как неумолкаемый звон колокольчика терзал ее непривычное к таким звукам ухо. Но постепенно этот звон сделался неотъемлемым свойством окружающего мира, а в нехитрых сюжетных сплетениях ямщицких песен Лючия начала открывать для себя истинно поэтические перлы, которые не раз и не два заставляли ее уронить слезу над судьбою разлученных влюбленных: непременно в их жизнь вмешивался какой-нибудь нехристь староста татарин, который принуждал девицу изменить своему милому, и тот оставался с разбитым сердцем и без всякой надежды увидеть отрадные дни.

Песни были единственной радостью ее пути – унылого, бесконечного, тяжелого. В местах, назначенных для перемены лошадей, Лючии приходилось ночевать в гадких дымных комнатах, где на пол клали солому, а сверху постилали подушки, покрывала, одеяла – этим добром Лючии пришлось однажды обзавестись и везти его с собою, если она не желала спать на голой соломе. Обеды были отнюдь не пышными: молоко, хлеб, жареное или вареное мясо. Иногда ей удавалось вымыться прямо в избе, за занавескою: зрелище черных бань пугало ее, а при мысли, что в этом сооружении, торчащем среди сугробов, надобно еще раздеться донага, и вовсе дурно становилось.

Россия чудилась ей бедной страной, и постепенно стало казаться, что и сильные мира сего живут здесь в хижинах, питаются тяжелой, неудобоваримой пищей и спят на соломе, как их крепостные, разве что носят на плечах не овчинные тулупы, а драгоценные меха. Поэтому зрелище Москвы стало для нее многоцветным, чудным оазисом среди однообразия и уныния этой бескрайней белой пустыни.

Здесь даже отыскалось некое подобие отеля – во всяком случае, вполне приличный постоялый двор с отдельными комнатами, нужными чуланчиками при каждой и очень недурным столом. Наевшись вволю белого влажного, рассыпчатого сыру (его здесь называли «второг») и мороженой клюквы, к которой она так пристрастилась в пути, что почти забыла о померанцах¹⁷. Лючия вымыла и высушила волосы, переделалась в зеленый бархат, дивно оттеняющий загадочные переливы собольей епанчи, и взяла наемный возок – прокатиться по la sainte Moscou¹⁸.

Представляя сей город неким видением Азии, Лючия с изумлением обнаружила себя в Европе, хотя, конечно, дома были пониже, а улицы, на ее взгляд, слишком широки. К нарядам москвитянок Лючия уже привыкла, а вот к грязище непролазной, которая царила на улицах, еще нет. Сюда тоже добралось весеннее солнышко, и без лошадей передвигаться было трудновато. Лючия просто влюбилась в этих животных во время своего путешествия! В Венеции, как известно, лошади только бронзовые – те, что украшают собор Святого Марка, – и теперь Лючия поняла, что венецианцы кое в чем обделены, поскольку весьма редко видят вживе этих дивных созданий природы.

Для Лючии отрадою стала огромная, мощенная камнем Красная площадь, где кипело точно такое же многолюдье, как на Пьяцце в праздничный день. Сходство довершали ошеломляюще-роскошные, варварски-пышные и очаровательно-дисгармоничные купола собора Васи-

¹⁷ Апельсинах.

¹⁸ Священная Москва, матушка Москва (фр.).

лия Блаженного, столь остро напомнившие Лючии ту смесь мрамора, гранита, яшмы, порфира, бронзы, мозаики, скульптуры, резьбы, которая называлась собором Святого Марка, что у путешественницы дух захватило. Восторг сделался почти экстатическим, когда она поглядела на темные лики русских мадонн, погруженных в ровную и важную задумчивость. Они трогали сердце гораздо больше, чем даже мадонны Леонардо, и Лючия подумала, как хорошо было бы привезти в дар собору Святого Марка несколько таких картин (они назывались иконы). И тут же она едва не рассмеялась вслух этой мысли – столь типичной для венецианки. Ведь общеизвестно, что собор Святого Марка, по чьему-то остроумному замечанию, является альбомом Венецианской республики: альбомом, в который каждый венецианец, возвращающийся из отдаленного похода или странствия, считает себя обязанным внести и свою строку. Между тысячами колонн и колонок из порфира, серпентина, змеевика, яшмы и тому подобных немало таких, которые были силою взяты или похищены венецианцами из других храмов. В Венеции ходит легенда о некоем пилигриме, который обокрал гроб господень, дабы украсить собор Святого Марка! Сюда все годилось: и нероновские квадриги, и грубые каменные бабы, оставленные в степях скифскими царями, и статуя Аполлона, который по переходе сюда был окрещен святым Иоанном, и Юпитер, переименованный в Моисея... Языческие надписи, арабская вязь казались искусным орнаментом, нарочно изготовленным для украшения храма. Даже надгробные доски византийцев пошли на вставки в стены этого собора.

Да что! Рассказывали про одну венецианскую патрицианку, славившуюся своей красотой и недоступностью, которая отдалась французскому королю, чтобы раздобыть золота на украшение Святого Марка!

Иконы настолько очаровали Лючию, что она без раздумий отдалась бы кому угодно, чтобы их заполучить, да вот беда: кроме изможденного монаха, снимавшего догоревшие свечи, здесь никого не было, а монах сей, судя по всему, чрезмерно старательно умерщвлял свою плоть.

Отложив сие предприятие на потом и чувствуя себя несколько угоревшей в пропахшей ладаном духоте храма, она поспешила наружу – и тут сделалась добычею не менее чем двадцати нищих, бросившихся на разодетую даму со всех сторон. В голове у Лючии помутилось от звона их цепей, от протяжных стонов, от зрелища ветхих одежд, гноящихся глаз, гниющих ран, которые были выставлены на всеобщее обозрение...

Прижав к груди муфту, она с ужасом озиралась, выискивая хотя бы малую щель, через которую можно было протиснуться, но не находя пути к бегству. Она уже решила было отступить в храм и просить помощи у бестелесного служки, как вдруг послышался властный оклик, потом свист трости, жалобные вопли тех, кому достались удары, и какой-то господин, склонившись перед Лючией, подал ей холеную, украшенную перстнями руку. Блестели тугие локоны вороного парика, блестел мех воротника, блестели пряжки на башмаках... Вполне европейское обличье, вздохнула с облегчением Лючия и умильно улыбнулась, когда глаза ее встретились с напряженным взором ее спасителя. Чудилось, только светская выдержка помогла ему сдержать уже готовое сорваться изумленное восклицание. Он поджал и без того тонкогубый рот, отчего напряглись желваки на щеках, и что-то отталкивающее проглянуло в этих гладко выбритых, припудренных, ухоженных чертах... Впрочем, тут же любезная улыбка вспорхнула на его уста, да и голос был – ну просто горячий шоколад!

– Столь прекрасной даме опасно бывать одной даже в божьем храме, княжна, – учтиво произнес незнакомец. – Не только трудолюбивые пчелы и отважные шмели, но и бестолковые трутни и даже грубые, грязные мухи норовят отведать нектара ее прелести!

Мало того, что он назвал впервые увиденную даму княжной. На взгляд Лючии, реплика была чересчур фривольной для незнакомого человека. Однако сия благоразумная мысль мелькнула и исчезла: словно боевая лошадь при звуке трубы, всколыхнулась столь долго сдерживаемая привычка, ставшая воистину второй натурой Лючии: кокетничать со всеми особями

мужского пола подряд, невзирая на внешность, возраст, – разве что неприкрытая бедность могла оттолкнуть Лючию, однако незнакомец вовсе не выглядел бедным и потому получил свою порцию «нектара»:

– А вы кто же, сударь? Трудолюбивая пчелка или отважный шмель?

– О, я пчелка, которая день-деньской порхает по цветочкам, чтобы кое-как насытиться! – усмехнулся незнакомец. – Однако вы польстили мне, княжна, сравнив с отважным шмелем! Я сберегу ваш комплимент в памяти надолго, возможно, унесу его с собой в могилу... – Тут он осекся, верно, заметив искру недоумения в ее расширенных глазах, и уже более сдержанно спросил: – Да вы, верно, не узнали меня, княжна Александра Сергеевна? Я ведь Шишмарев! Евстигней Шишмарев, имел честь быть вам представленным на балу в честь именин вашей кузины, Анны Васильевны Павлицевой, помните? Значит, вы уже в Москве? А я слышал, вас ждут из Каширина-Казарина через три дня.

Лючия, растерянно моргнув, перебила своего словоохотливого спасителя:

– Вы ошиблись, сударь. Я не... я не та дама, которую вы упомянули, и, конечно, не имела чести быть с вами знакомой.

Глаза Шишмарева сделались огромными: водянисто-голубоватые, невыразительные глаза теперь были проникнуты искренним изумлением!

– Конечно, конечно, – пробормотал он растерянно, с такой пристальностью вглядываясь в глаза Лючии, что у той зуд начался в щеках, словно бы от бесцеремонного прикосновения. – Но... виноват, извините великодушно, кня... то есть я хочу сказать, сударыня. Виноват! Был введен в заблуждение невероятным сходством с означенною особою. Позвольте загладить ошибку и сопроводить вас к возку, не то этот сброд... – он особенно грозно шикнул на юродивого, обвитого веригами, простирающего к господам изъязвленные культы ног, – не то этот сброд, как я погляжу, проходу вам не даст!

Лючия покорно оперлась на его руку и пошла медленной, неуверенной походкой. Понадобилось почти сверхчеловеческое усилие воли, чтобы сдержать пляску пальцев на рукаве темно-коричневого кафтана. Шишмарев, понадеялась Лючия, не заметил ее растерянности – бубнил себе под нос:

– Право слово, скажи мне кто-нибудь, что у прекрасной княжны Александры есть двойник, я ни за что не поверил бы. Не знай доподлинно, что Александра Сергеевна – единственная дочь у своих родителей, остался бы в убеждении, что вы, сударыня, ее сестра-близнец!

– Уверяю вас, вы ошиблись, – повторила Лючия. – Но я бесконечно признательна вам за ваше столь любезное заступничество! – Она что-то еще говорила, столь же равнодушно-светское, и сама поражалась, как обморочно звучит ее голос. Ну еще бы! Сердце так и ходит ходуном! И все же она нашла в себе силы и задала еще один вопрос: – А любопытно знать, сударь, как фамилия той особы, счастливым сходством с коей наделила меня природа?

– Ее зовут княжна Казаринова, – с готовностью ответил Шишмарев и, чуть понизив голос, добавил: – Но осмелюсь возразить, сударыня. Речь идет не просто о сходстве! Вы с Александрой Сергеевной неразличимы, как две капли воды!

Очутившись в спасительном одиночестве возка, Лючия велела кучеру гнать на постоянный двор как можно быстрее. Ее еще пуще затрясло, когда она услышала ответ Шишмарева... ответ, который знала заранее! Только сейчас воскресло в ее памяти то место из письма Бартоломео Фессалоне, где он описывал рождение у княгини Казаринофф второго младенца. Сейчас истина вдруг встала перед ней неприкрыто: да ведь Шишмарев вел речь не просто о какой-то золотоволосой москвитянке, чем-то схожей с Лючией, а об ее сестре! Родной сестре-близнице!

Болтливый и услужливый Шишмарев назвал все, что нужно: ее имя, имя отца – отчество, как говорится у русских, фамилию. Даму, обладавшую портретным сходством с Люцией, звали Александрой Сергеевной Казариновой, и это, без сомнения, была та самая малышка, которая родилась у бесчувственной Катарины Казаринофф лишь несколькими минутами позже своей сестры, Люции Фессалоне.

Истерический смехок вспорол сумрачную тишину возка и был тут же зажат муфточкой. Неоценимый Шишмарев назвал и место, куда следует держать путь Люции: какое-то там Каширино-Казарино... верно, имение ее настоящих родителей. А она-то думала, что придется провести несколько дней в Москве, пытаясь разузнать место жительства князей Казаринофф.

Вот повезло, так повезло! Надо спешить выезжать, не то, как здесь выражаются, дороги поплывут, а если настигнет распутица... ах, нет, не дай бог! А впрочем, может быть, лучше не трогаться с места, подождать, пока малютка Александрина (будучи старше своей сестры на одну или две минуты, Люция уже относилась к ней с некоей снисходительностью) прибудет в Москву? И здесь броситься в ее объятия: мол, я твоя сестрица, прольем же вместе слезы радости!..

Новый смехок был придавлен горностаевой муфтою. Если о встрече с родителями Люция думала вполне спокойно – без радостного волнения, но и без отвращения, то предстоящее свидание с Александрой почему-то вызвало в ней приступ брезгливой пренебрежительности. Какая-нибудь бело-розовая раскормленная ломака с бесцветными глазами. И это ее богатая, уважаемая сестра! Люция оскорбленно фыркнула, но тотчас вспомнила, что Александра – ее близнец, а стало быть, никак не может быть иной, чем стройной, статной, яркоглазой, как кошка, столь же грациозной и проворной. Это почему-то оскорбило Люцию еще больше, и от дурного настроения она не избавилась до вечера: ведь выяснилось, что ехать немедленно ей нельзя, нет лошадей, а сидеть на месте теперь, когда так близок был переломный миг судьбы, было для Люции вовсе непереносимо!

4

Переправа

...И вот теперь она в полную меру поняла значение вполне обиходного русского слова – «распутица».

Снежная каша, по которой тащился возок, являла собой что-то неопишное. В конце концов Лючия вовсе перестала выглядывать из оконца и положила на волю господина и святой Лючии, ее покровительницы: ведь до Каширина-Казарина оставалось только два дня пути! Впрочем, при такой скорости движения они могли оказаться всеми пятью, подумала огорченно Лючия и тут же показала пальцами рожки нечистому, чтоб не прицепился к ее словам... но, видно, враг рода человеческого оказался проворнее: сани встали.

Лючия выкарабкалась из вороха мехов и выглянула.

Солнца как не бывало. Все небо затянулось низкими туманными облаками. Царила сырая, дождливо-снежная погода. Возок стоял на берегу речки, наполовину очистившейся ото льда. Из реплик возницы и его спутника (незнакомец заплатил какую-то ничтожную сумму за провоз на запятках), ходивших туда-сюда по берегу, всполошенно всплескивая руками, Лючия поняла, что мужики в совершенном недоумении: на этом месте они надеялись переправиться через реку и теперь головы ломали, какая сила могла пробить лед. Наконец сошлись на том, что, верно, здесь провалился какой-то тяжелый воз, да так, что весь лед окрест, и без того уже истончившийся и просевший, дал опасные трещины. Речка была слишком глубока, чтобы ее переехать вброд, но, несмотря на это, возница и его сотоварищ все же искали броду часа два. Бесплезно! Лючии казалось, что лучше не метаться бестолково по берегу, а проехать ниже или выше по течению, поискать крепкого льда, но мужики со всей возможной учтивостью выразились в том смысле, что не бабье это дело – советы давать, особенно в столь нелегком деле. Лючия смирила норы и умолкла.

Близилась сумерки; она начала зябнуть, и такая тоска взяла за сердце при виде неоглядных бело-синих просторов, к которым, казалось, она уже успела притерпеться за время своих странствий! Русская тоска зимнего нескончаемого пути... *Che diavolo*¹⁹ она здесь?! Ради чего? Почему полетела сюда из милой Венеции, розовой, золотистой, зеленоватой, как вечная весна?

Ну хорошо, из Венеции ей пришлось бежать. А Вена? А Париж? Варшава? Почему она не осталась там, почему не взялась вновь за ремесло, в котором столь сведуща и искусна? Где угодно Лючия добилась бы успеха, в любом из сотен городов, которые она миновала с такой быстротой, словно впереди нее летела сказочная птица-Счастье и оставалось только руку протянуть, чтобы вырвать из ее хвоста самоцветное перо... Где она, та птица? Свила гнездо в каком-то богом забытом Каширине-Казарине? Ждет не дожидется, когда появится Лючия Фес-салоне и протянет руку за своей долей? И снова образ этой неведомой сестры вспыхнул перед внутренним взором Лючии. Была одна княжна Казаринова, а теперь будет две. Все внимание родителей, кавалеров, друзей, направленное прежде на Александру, будет теперь разделено на двоих. Какая женщина терпеливо снесет это? Да ведь Александра возненавидит свою вновь обретенную сестру, как только поймет ее превосходство над собой. Если они похожи, как две капли воды, внешне, то ведь натуры у них совершенно разные, как у капризной левретки – и остроглазой гончей!..

Громкие голоса прервали размышления Лючии, и она с неохотой возвратилась к действительности.

¹⁹ Какого черта (ит.).

Приятель возчика выпряг из возка лошадь, сел верхом и отправился через речку в ближайшее селение разведать, нет ли где доброго места переправиться. Он кое-как одолел тонкий, ненадежный лед, скрылся из глаз... и воротился, когда сумерки уже заволокли округу, крича, что места для переправы нет, надо ждать, чтобы ночной мороз сковал реку, тогда, возможно, удастся переехать. Однако сей разведчик не решился более возвращаться к возку по ненадежному льду, а, прокричав свое известие, умчался в деревню, наказав ждать его утром.

Лючия переглянулась с возчиком, и в глазах их выразился равный ужас: что может быть нелепее возка без лошади, застрявшего посреди российских просторов в преддверии морозной ночи?! Да бог с ним, с морозом: у костра хоть с трудом, но переночуют, а вот оказаться всецело зависимыми от честности случайного попутчика... Кто мешает ему продать в деревне эту лошадь или пропить в первом же кабаке? Или просто-напросто уехать на ней дальше, беззастенчиво присвоив, бросив своих недолговременных попутчиков на произвол судьбы?

Возчик ударился в проклятия, слезы и мольбы – все вместе. Лючия сурово поджала губы. Что толку причитать, если ничего невозможно сделать? Сейчас она ругательски ругала себя лишь за то, что не перешла реку по льду вслед за верховым. Уж если лед выдержал лошадь, то и она как-нибудь перебралась бы! Во всяком случае, ночевала бы в тепле. Образ душной, дымной, темной, гадкой избы возник в ее воображении как желанный, но недостижимый оазис. Откуда-то вновь явилась мысль об Александре, которая почивает сейчас в роскошной спальне, вся в кружевах и розовом шелке, и Лючия даже тихонько взвизгнула с досады!

И тотчас возчик возбужденно закричал, тыча рукой в надвигающуюся тьму:

– Смотрите, барыня! Смотрите!

К ним, освещенная факелами, приближалась целая кавалькада из трех саней и десятка мужиков, несших доски, бревна и багры, возглавляемая не кем иным, как их недавним спутником, коего они полагали оставшимся на противоположном берегу... Не дожидаясь изумленных расспросов, пыжась от гордости, он объявил, что совесть мешала ему вкушать блага курной избы, а потому он порешил вернуться к сотоварищам, но не нашел прежнего места переправы и пустился по льду наудачу, кое-как миновал трещины – и оказался как раз на пути трех саней, тоже едущих на переправу. Обрисовав им злополучие своих спутников, добрый малый уговорил сих человеколюбцев помочь застрявшим странникам, и вот...

Лючия только головой качала, слушая этот чудесный рассказ. Итак, Провидение к ней все же милостиво! И, как всегда, надобно дойти до крайнего отчаяния, чтобы осознать сие и ощутить его благорасположение. Ей не раз случалось в «Ридотто», проигравшись в пух, бросить на кон уже самую последнюю свою драгоценность (однажды это была даже подвязка с бриллиантовой застежкой, которую ее противник принял за ставку даже не из галантности, а лишь надеясь, что следующей ставкой будет сама Лючия!). И, словно почуввав ее отвращение к этому сочащемуся жиром толстяку, Провидение повернуло колесо фортуны: Лючия не только отыграла все свои кольца, брошки, ожерелья и прочее, вплоть до последней монетки, но еще и значительно увеличила содержимое своего кошелька! Так и теперь. Право, никогда не стоит разочаровываться в снисходительности Провидения! Ведь стоило ей рухнуть в самые мрачные пропасти отчаяния, усомниться в необходимости ее пребывания здесь, как извольте: к ее услугам все средства для дальнейшего продвижения в Каширино-Казарино! Образ несносной Александры вмиг стерся в ее воображении, сменившись несметными княжескими сокровищами, которые вскоре окажутся в ее полном... или хотя бы половинном распоряжении.

Щедро наградив честного малого, Лючия попросила провести себя к тому доброму самаритянину, который решился замедлить свое путешествие, дабы оказать помощь даме, попавшей в беду. Осчастливленный проводник повел ее к берегу, где невысокий широкоплечий человек стоял у кромки льда и властно распоряжался проложить по самому твердому льду бревна и доски, а потом провести по ним лошадей. Сани же предстояло толкать мужикам. Факелы светили ярко, и Лючия, увидевшая простую, но дорогую дорожную одежду этого гос-

подина, с облегчением поняла, что он – человек, несомненно, светский. Элегантная шляпа венчала вороной парик. Незнакомец повернулся к ней – и осклабился весьма довольно:

– Сударыня, не верю глазам своим! Так это вы та самая прекрасная барыня, о коей мне все уши прожужжал этот малый?

Да это не кто иной, как вчерашний знакомец, этот, как его, с неудобопроизносимым именем... Евстигней Шишмарев! Тот, кто избавил ее от нищих на паперти собора. Тот, кто принял ее за княжну Александру!..

Изъявления благодарности, уже готовые сорваться с уст, застыли. Лючия поджала губы.

– Право же, судьба ко мне чрезмерно благосклонна! – восторженно восклицал Шишмарев. – Дважды за два дня выступить в роли вашего спасителя... это, пожалуй, больше, нежели я смел бы надеяться.

– Да, – вполне вежливо, но все-таки суше, чем следовало, проговорила Лючия. – Оказывается, Провидение гораздо на совпадения!

И постаралась отогнать тревожную мысль, что случайное совпадение почему-то кажется ей не очень случайным.

Уже близилась полночь, когда опасная переправа осталась позади и Лючия с неотступным Шишмаревым сыскали ночлег в просторной, вполне чистой избе, исполнявшей в сем селе-нии роль постоялого двора. Дородная хозяйка споро выбежала им навстречу и так низко склонилась перед Шишмаревым, словно была ему чем-то весьма обязана...

Разохавшись по поводу плачевного вида «добрейшего господина» и «барыни» (Лючию хозяйка величала именно так – холодновато, хоть и почтительно, и в самой почтительности этой проскальзывала едва уловимая нотка ревности), она тотчас приставила к Лючии девку для услуг, а вокруг Шишмарева упоенно хлопотала сама. Оставалось только усмехнуться, что этот неприятный, некрасивый человек мог вызвать у какой-то женщины столько нежности и заботы. Ну что ж, Лючия вяло удивилась этому – на большее у нее не было сил – и пошла в отведенную ей комнатку, не подозревая, что нынче ночью ее способность удивляться будет еще не один раз подвергнута испытаниям.

Горничная девка принесла горячей воды и оказалась весьма расторопна на всякие посушки²⁰: помогла Лючии переодеться, помыться, причесала ей волосы, и хоть не смогла уложить в прическу, но заплела две длиннейшие косы и начала красиво укладывать вокруг головы, с восхищением и с жалостью поглядывая на Лючию, которая от усталости просто-таки спала с открытыми глазами, и только голод удерживал ее от того, чтобы немедленно лечь.

– Ах, добрая барыня, измотались же вы нынче! – с сочувственной бесцеремонностью вдруг вырвалось у служанки. – Небось без ночевки путешествовали?

– Отчего же? – едва шевеля языком, ответила Лю-чия. – Лишь поутру отъехали из Москвы.

– Батюшки-светы! – Девка от изумления уронила одну из недоплетенных кос. – Али конь у вас обезножел? Не то возок ломался? Где ж вы стояли столько времени? От нас же до Москвы полдня пути всего толечко!

– Может быть, – проямлила Лючия. – Да беда – лед проломило на реке.

– Лед?! – вытаращила глаза девка. – А до льда вам какая печаль?! Чай, новый мост крепок да ладен!

– Новый? – переспросила Лючия, не понимая, о чем речь, а девка разразилась рассказом о том, как совсем недавно соорудили через Каширу мост, а деньги дали окрестные помещики,

²⁰ Мелкие услуги (старин .).

и больше других – князя Казариновы, вернее, дочь их, княжна, поскольку родители ее отроду живут в иноземщине.

Лючия глядела в зеркало на сию болтливую субретку во все глаза, медленно просыпаясь.

Вот те на, как говорят русские! Значит, был мост! Чего же ради повез ее дурак возчик через реку по льду? Не знал про мост? Но ведь, судя по словам горничной, он в версте отсюда, ближе к Москве, и если Лючия дремала всю дорогу в теплой колыбели возка, то кучер и его сотоварищ не могли не заметить большого, красивого, удобного моста. Или они просто решили поугадать путешественницу, в которой угадали иностранку, и, с намерением запросить с нее побольше, устроили это холодное, сырое, опасное приключение? Да нет, не может быть, как они осмелились?!

Заметив, каким возмущением вспыхнуло лицо доброй барыни, девка начала отступать:

– Ну разве что мост поломался?

И хоть в голосе ее звучало величайшее сомнение, Лючия сразу согласилась с этой возможностью. В самом деле! Чем иным можно объяснить то, что и опытный путешественник, несомненный знаток здешних мест, Шишмарев тоже миновал мост и вообще – ехал с бревнами, досками, веревками и прочими орудиями, необходимыми для ледовой переправы? Ну конечно, мост сломан!

Успокоившись, Лючия ласково улыбнулась девке, поблагодарила ее и, накинув на плечи белую кружевную шаль, очень тонкую и очень теплую (это вам не zendaletto!), пошла на первый этаж, где ее ждал накрытый стол.

Шаль ее была столь легка и воздушна, что взлетала при ходьбе, и возле самой столовой зацепилась за сучок (стены в коридорчике, через который шла Лючия, были бревенчатые). Сосредоточенно отцепляя изящное кружево, чтобы, сохрани бог, не порвать, Лючия даже дыхание затаила – и вздрогнула, будто от выстрела, услышав совсем рядом сердитый голос хозяйки постоялого двора:

– ...Но гляди мне, коли другую любушку найдешь, я терпеть не стану!

– Что это с тобой, Фотиньюшка? – раздался вкрадчивый голос Шишмарева. – Неужто возревновала? К кому же?

– К кому! – фыркнула возмущенно Фотиньюшка. – Еще спрашиваешь! К этой рыжей, что с собой привез!

Теперь громко фыркнул Шишмарев, а Лючия едва не подавилась от возмущения. Назвать рыжими ее роскошные кудри? Да вот лишь четверть часа назад горничная восторженно причитала, мол, «косоньки у барыни – чисто золото!». Рыжую, нет, это надо же!

Лючия схватилась за ручку двери, намереваясь ворваться и своим возмущением испепелить эту чертовку, столь смуглую, будто она дочь угольщика и сама угольщица, как новые слова Шишмарева пригвоздили ее к месту:

– Не о чем тебе заботиться, душа моя, Фотиньюшка. Эта бабенка – моя добыча, зело мне надобная, и, поверь, отнюдь не для постельных потешек! На то у меня есть ты, да и мало ли... – Тут он как бы поперхнулся и продолжил: – На то у меня есть ты, говорю, а сия бродячая шлюшка – лишь маленький мосток, по коему я пройду, не замочив ног, к богатству и довольству.

– Это как же? – недоверчиво и весьма враждебно спросила Фотиньюшка, от коей, верно, не укрылась обмолвка Шишмарева насчет «да и мало ли...».

– Ты, никак, вовсе без глаз? – вспыхнул вдруг Шишмарев. – Не видишь, что она вылистая...

– Постой! – прервала его Фотинья. – Дверь прикрою – по ногам тянет. – И ее тяжелая поступь начала приближаться к Лючии.

Разумеется, та не стала ждать, пока ее обнаружат, и сделала первый ход: отворила тяжелую дверь и вошла в сумрачную комнату с видом приветливо-равнодушным, уверенная, что по лицу ее совершенно невозможно понять, какое возмущение ее обуревало.

Рыжая – ну, это ладно. Это Фотинья, конечно, из зависти. Но – бабенка! Бродячая шлюшка! Да как он смел, русский невежа, назвать ее шлюхой?! Как сумел он столь точно угадать ее натуру и ремесло, видя всего лишь второй раз в жизни?!

Фотинья подала на стол. Минуту назад Лючия была голодна, как волк, чудилось, будет глотать не жуя, а сейчас болтала ложкой в миске с ухой, едва находя в себе силы приоткрывать рот: челюсти так и сводило от злости!

Наконец она отодвинула уху, отказалась от капусты, каши, жареной рыбы и принялась за любимую клюкву, едва прихлебывая горячее молоко. Фотинью, верно, ее неприветливость (Лючия за столом ни словом не обмолвилась) и разборчивость в еде немало раздосадовали, и она всецело предалась уходу за Шишмаревым, а тот ел в охотку, отдавая должное каждому блюду, но, как ни был он увлечен ужином, Лючию не оставляло ощущение, что он непрестанно за ней наблюдает. Она была в растерянности, как лучше поступить: не то язвительно открыть, что слышала оскорбления, и потребовать объяснений, не то подождать развития событий.

Однако Шишмарев взял их ход в свои еще жирные от еды руки и мигнул Фотинье на дверь. Та, против злорадного ожидания Лючии, ни словом не поперечилась: только губы поджала – и отправилась восвояси.

– Хорошо вышколена, ничего не скажешь, – не удержалась от шпильки Лючия, и Шишмарев глянул на нее вприщур:

– Чем же она вам не по нраву? А впрочем, я еще не видал двух женщин, которые бы друг другу благоволили. Но бог с ней, с Фотиньей. Нижайше прошу, сударыня, прощения за то, что вас, мечтающую, надо полагать, лишь об отдыхе в мягкой постели, задерживаю разговорами, однако умоляю уделить мне толику вашего внимания, дабы услышать о некоем предприятии, без сомнения, для нас с вами обоюдно интересном.

Лючия с трудом переварила эту тяжеловесную фразу и с великолепным изумлением вскинула брови:

– Ну что вы, сударь, какие могут быть церемонии? Я вам стольким обязана! Уверяю, что с величайшим вниманием выслушаю все, что вы изволите сказать, однако... – она изобразила на лице озабоченность, – однако, ежели то, что вы намерены мне сообщить, не предназначено для посторонних ушей, не лучше ли... – она быстро перевела дух и наконец-то высказала все, что накопело (бес ее давно уже за язык тянул, а тут настал момент благоприятнейший), – не лучше ли выглянуть за дверь, ибо, на мой взгляд, у вашей *оседлой шлюхи* не только слишком длинный язык, но и чересчур большие уши!

Шишмарев глядел на нее неподвижным взором, и какое-то мгновение Лючия думала, что до него не дошло, как вдруг непроницаемые глаза его вспыхнули – и он разразился таким заразительным, веселым хохотом, что Лючия поначалу онемела, а потом невольно усмехнулась в ответ.

– Ах, сударыня, – кое-как отсмеявшись и еще задыхаясь, проговорил наконец Шишмарев, – слава богу, что я в вас не обманулся! Теперь почти не сомневаюсь, что мы вместе с вами славненько обтяпаем это маленькое дельце – к взаимному, заметьте себе, удовольствию! А уж коли вы в сем темном коридорчике слышали достаточно, чтобы понять, что я – человек умный, хоть и большой негодяй, то дозвольте без реверансов напрямки идти к делу.

– Валяйте! – щегольнула недавно узнанным словечком Лючия, которой всегда нравились люди отчаянные, а что до негодяев... она только усмехнулась, вспомнив папашу Фессалоне и Лоренцо Анджольери. Эх, Шишмареву и во сне не снились истинные негодяи! – Ну? Слушаю вас.

Шишмарев утер вышитым полотенцем рот, потом руки – тщательно, каждый пальчик, – потом сложил полотенце аккуратненьким уголком и проникновенно воззрился на Люцию, которая уже едва не ерзала от нетерпения на своей жесткой дубовой лавке.

– Сударыня! – задушевно промолвил Шишмарев. – Хотите сделаться княжной?

5

Коварство

Это был хороший вопрос, который мог выбить почву из-под ног у кого угодно, только не у Лючии, но и она едва сдержалась, чтобы, в свою очередь, не сбить Шишмарева с ног блистательным ответом: «Да ведь я и так княжна!» Не иначе, святая Лючия, покровительница, ухватила эти слова на самом кончике ее языка. Не стоило труда понять: обнаружив поразительное сходство своей случайной знакомой с Александрой Казариновой (разумеется, они похожи!), но не подозревая об их родстве (на это фантазии даже у самого изощренного выдумщика не хватит!), Шишмарев намерен затеять какой-то веселый розыгрыш, некую мистификацию, в которой призывает принять участие Люцию. Вспомнились подслушанные слова его о довольстве, богатстве. Надо полагать, заключено некое пари с весьма крупным выигрышем. Впрочем, к чему гадать? Шишмарев и сам все расскажет, надо только продолжать глядеть на него с обалделым выражением и бормотать:

– Да что вы, сударь? Да как же? Да неужто такое возможно?

– Думается мне, – сказал Шишмарев, – что вы обладаете весьма быстрым умом, а потому я оставлю те дымовые завесы, которые собирался использовать для прикрытия истинных своих целей, и буду вполне откровенен, не утаив от вас ни слова правды.

Лючия только прищурилась. Да скорее отыщешь фиалки и землянику под снегом у заднего крыльца этого постоянного двора, чем разгадаешь истинные намерения Шишмарева! Однако же она больше ничего не сказала, только кивнула в знак того, что слушает со вниманием.

– Как вы уже, без сомнения, поняли, сударыня, – заговорил Шишмарев, – мой интерес в вас заключается не только в том, что вы умны, красивы и очаровательны. В точности такова же и особа, с коей вы схожи, повторяю, как две капли воды. Я уже упоминал ее имя. Это княжна Александра Казаринова. Сия высокородная особа не позднее, чем завтра пополудни будет проезжать мимо Фотиньиного дома, и я хотел бы...

– А, понимаю, – перебила с невинным видом Лючия, – вы хотели, чтобы она познакомилась с незнакомкою, столь на нее похожей.

Почему-то ей хотелось раздосадовать Шишмарева этой репликой, но тот лишь насмешливо дернул уголком рта:

– Это не входило в мои планы, хотя, без сомнения, княжне Александре было бы небезынтересно взглянуть, какой она сделается через десяток лет!

Лючия остолбенела, и понадобилось не меньше минуты, прежде чем она сообразила, что сидит с приоткрытым ртом. С некоторым усилием сжав губы, она попыталась справиться с бурей негодования. Первым и самым сильным побуждением было, конечно, надеть на голову этого мерзавца все миски, горшки и чашки, в изобилии стоявшие на столе, да не просто надеть, а разбить их о его толоконный лоб (она не очень хорошо представляла значение этих слов, но нравились они ей безмерно!). И ее рука уже дернулась к ближайшему кувшину, однако то странное выражение, которое, не утихая, светилось в глазах Шишмарева и которое Лючия прежде принимала за некую безуминку, вдруг вспыхнуло с новой силой, и она изумленно поняла: да ведь это ненависть! Шишмарев за что-то ненавидит Александру Казаринову и с помощью Лючии намерен приготовить не просто веселенькую шуточку. Замыслы его, без сомнения, коварны, а вот в чем они состоят, узнать можно будет, если оставить всю утварь по-прежнему на столе. Рано или поздно, конечно, быть Шишмареву в сметане, квашеной капусте, клюкве, меду и всем прочем, уж в этом Лючия готова дать обет Мадонне, однако сейчас нужно быть с ним похитрее. Нужно постараться улыбнуться... как бы это сделать?... а, вот как: ну не смешно ли, что Шишмарев счел, будто между сестрами-близнецами может быть десятилетняя

разница?! При этой мысли губы Лючии наконец-то смягчились, и ей даже удалось изобразить вполне правдоподобную улыбку.

– Слава богу, что я вас не обидел, сударыня! – с преувеличенным облегчением воскликнул Шишмарев. – Поймите меня правильно: мне вовсе не по нраву незрелые глупышки вроде княжны Александры. Я предпочитаю женщин в соку... – Его взгляд снова вызвал у Лючии позыв схватиться за обливной горшок с кашею. – Даму лишь украшает опытность, светящаяся в ее чертах! А уж если в глазах ее пылает огонек авантюризма, это придает ей просто-таки оборожительную прелесть! Судя по платью и легкому – о, совсем легчайшему, словно дуновение южного ветра! – акценту, вы приехали из каких-то иностранных государств, и, не сомневаюсь ни одной минуты, немало мужчин в дальних краях готовы были целовать ваши следы. Надо полагать, вы предприняли путешествие в Россию, дабы прибавить к своей свите сонмы российских кавалеров? Забавно, однако же, что путь ваш пролегает именно в ту сторону, где живет ваш двойник – юная княжна Казаринова! – И он вопросительно умолк.

Лючия уже поняла манеру Шишмарева обволакивать пустыми фразами суть дела. Если у него возникнет хоть малейшее подозрение, что у нее в Каширине-Казарине свой интерес, к тому же, интерес особый, он, разумеется, не откроет своих замыслов. А любопытство уже поджаривало Лючию на медленном огне, да так, что она с трудом могла хранить маску приличного равнодушия. И она ответила с самым невинным видом:

– Но это ваша вина, сударь, что я направляюсь в Каширино-Казарино! В соборе на Красной площади вы настолько разожгли мое любопытство относительно дамы, с которой мы схожи, будто две капли воды... ну, разумеется, одна из капель старше другой на десять лет! – все-таки не удержалась Лючия от колкости и снова едва не вышла из себя, когда глаза Шишмарева злобно блеснули. – Так вот, говорю я, мне до смерти захотелось увидеть эту юную особу, хотя бы издали, не будучи ей представленной. Не все ли мне равно, куда ехать? Я путешествую для собственного удовольствия, из интереса к столь загадочной стране...

– Понимаю, – глубокомысленно кивнул Шишмарев. – Вроде леди Рондо...

– Вот-вот, – неуверенно пробормотала Лючия, весьма слабо представляя себе вышеназванную особу²¹.

– Ну, тем лучше! – бодро воскликнул Шишмарев. – Если у вас нет никаких определенных забот, если вы ищете лишь развлечений, то я вам представлю самое что ни на есть изысканное. Когда сюда прибудет княжна Александра, вы займете ее место и станете ждать. Вскоре появится молодой человек. С ним приедет священник (он давно предупрежден и даже заранее вознагражден), который обвенчает вас с этим юношей (о вкусах, конечно, не спорят, но многие дамы находят его неотразимым), так что вы выйдете отсюда княгиней Извольской и отправитесь с вашим супругом в его родовое имение: это в тридцати верстах к юго-западу. Там вы пробудете дней десять или две недели, наслаждаясь всем изобилием поистине азиатской, варварской роскоши, которая царит в Извольском, а затем я приеду за вами в условленное место – и увезу куда пожелаете: хоть сюда, где вы вновь обменяетесь платьями с княжной Александрой и продолжите свой путь, хоть в любое другое место.

Шишмарев наконец остановился дух перевести. Лючия смотрела на него во все глаза, от души надеясь, что в ее лице не отображается ничего, кроме самого чистосердечного изумления, и Шишмарев не замечает, сколь пристально она его изучает.

Лючия за свои не очень-то большие годы (восемнадцать, а не двадцать восемь, что бы там ни утверждал этот невежа!) узнала немало людей и была убеждена, что можно проникнуть умом в самые тайные уголки человеческих замыслов и душ. Ей, например, стало ясно, что не одна княжна Александра ненавидима Шишмаревым, но и этот «неотразимый» князь Извольский. Но оставалось еще слишком много вопросов, и она принялась задавать их со ско-

²¹ Леди Рондо – жена английского посланника в России в 20–30-е годы XVIII в., оставившая любопытные «Записки».

ростью стрельбы из многоствольного пистолета, причем нарочно не давала времени Шишмареву тянуть с ответами, чтобы он не успел затуманить их ненужными словами.

– Где все это время будет находиться княжна Александра?

– Здесь.

– То есть, надо полагать, все это делается с ее согласия?

Шишмарев только фыркнул, и это было красноречивее любого ответа.

В самом деле! Какая добропорядочная девица позволит нанести столь ужасный урон своей репутации, своей чести, имени? Ведь этот князь Извольский потом на Библии станет клясться, что жил с ней, как муж с женой, – и не солжет! Значит, Александра останется на постоялом дворе под охраной преданной Фотиньи. С этим все ясно.

– А вы не боитесь, что княжну хватятся ее родители? – спросила Лючия.

– Родители ее в Лондоне. Дипломатическая карьера князя Казаринова весьма успешна; хорошо, ежели князь Сергей и княгиня Екатерина («Серджио и Катарина!») раз в год навещают родные пенаты.

– Что же, Александра живет одна в имении?

– Зачем одна?! Под присмотром доброй бабушки, матери князя Сергея Александровича. Однако она сейчас больна, вот почему княжна и отправляется в Москву лишь в сопровождении горничной.

– Итак, она едет в Москву. Зачем?

– Через два дня там состоится свадьба ее кузины, графини Евдокии Барминой.

– Ну так ведь кузина непременно спохватится, не увидев Александры среди своих гостей?

– Ничего, бог милостив! – ухмыльнулся Шишмарев. – Девка княжны со мной в стоворе, кучер тоже подкуплен. Они отвезут письмо графине Евдокии: мол, прости, я внезапно занедужила, не могу прибыть на свадьбу и т.д. и т.п. – твоя любящая кузина Александра.

– Насколько я успела узнать российские нравы, – весьма сухо произнесла Лючия – этим двум бедолагам после всей вашей эскапады крепко не поздоровится. Они ведь оба крепостные, и горничная, и кучер, не так ли? Да с них кожу живыми сдерут!

– Не извольте беспокоиться, – отмахнулся Шишмарев. – Хотя, впрочем, сие делает честь вашему человеколюбию. Однако эти двое получают за участие в предприятии такую сумму, что могут незамедлительно купить себе бумаги, подтверждающие, что они оба теперь вольные, и уехать в Малороссию, где заживут своим хозяйством. Это их самая заветная мечта.

Лючия незаметно окинула Шишмарева взглядом исподлобья. Однако по его потертому камзолу и стоптанным башмакам не скажешь, что ради пустой забавы сей господин может выбросить на ветер несколько тысяч рублей! У него как раз вид человека, весьма стесненного в средствах... Возможно, в деле замешан еще кто-то, финансирующий все предприятие? В конце концов, Лючия ведь тоже не за просто так должна будет сыграть свою роль! Или предполагается, что она поживится в имении своего «мужа»? Интересно бы знать, кто за все будет платить... Но сейчас не это было главным, поэтому Лючия поймала вопрос на самом кончике языка и спросила о другом:

– Хорошо. Надо полагать, и Фотинье будет уплачено за соучастие столько, что она сможет скрыться от преследования где-нибудь за тридевять земель. Ну а графиня Евдокия? Кто сможет поручиться, что через денек после свадьбы она не отпишет кузине письмецо с соболезнующими восклицаниями и описанием торжества? Добрая бабушка получит это письмо, поймет, что внучка в Москву не прибыла... Удивлюсь, если она не пустит по следу княжны не только всю дворню, но и свору охотничьих собак!

– Графиня Евдокия, разумеется, такое письмо напишет, – кивнул Шишмарев, – однако для сего случая передаст его Дуняшке, той самой горничной девке, судьба коей вас столь заботит. И это будет сразу, едва она получит весточку от Александры (кстати, упреждая ваш вопрос, скажу, что написана она мною, а я сызмальства умел мастерски подделывать любые почерки).

На сей случай Дуняшка будет ждать ответа и торопить графиню. Ну а после свадьбы у ново-брачной не будет времени на письма, ибо вечером того же дня молодые супруги уедут в Париж, где будущий муж графини Евдокии должен как можно скорее приступить к дипломатической миссии.

– Ага! – с торжеством воскликнула Лючия. – Вот в чем слабое звено столь хитроумно сплетенной цепочки! Александра после свадьбы должна будет воротиться домой, и вот тут-то...

– Да не должна она воротиться! Должна сопровождать кузину за границу, где ее ждут родители... Но вроде бы я не слышал, как кто-то кричал: «Слово и дело государево!», но между тем у меня такое чувство, будто я на допросе в Тайной канцелярии! – жалобно сморщившись, простонал Шишмарев. – И словно бы вот-вот меня на дыбу подвешат! Откройте, сударыня, какие еще орудия у вас для дознания приготовлены? Раскаленные клещи? Розги, в рассоле вымоченные? Кнут, плеть, батоги, «кошки»? Смилуйтесь, Христа ради, надо мной, горемычным, я ведь не намерен запираяться, все вам и так выложу, будто на духу! – плаксиво причитал Шишмарев.

Лючия смотрела на него озадаченно:

– Надеюсь, я ничем не оскорбила вас, сударь? Но поймите, вы предложили мне участие в интриге ненадежной!

– Это еще почему? – надулся Шишмарев.

– Да ведь здесь все построено на случайностях!

– Ну, жизнь – это и есть сцепление случайностей, – философски пожал плечами Шишмарев, вдруг до боли напомнив Лючии Бартоломео Фессалоне. – Вся штука в том, чтобы уметь ими распорядиться.

– А вы, конечно, умеете? – не без ехидства проговорила Лючия, но Шишмарев будто не заметил издевки.

– Разумеется, – кивнул он. – А разве вы этого еще не заметили?

Лючия озадаченно нахмурилась. Вроде бы у нее не было повода убедиться в организаторских способностях Шишмарева... А он глядел так лукаво, словно призывал вспомнить что-то, и Лючию даже зазнобило, когда вдруг пришли на память слова болтливой Фотиныиной прислуги: «До льда вам какая печаль? Небось новый мост крепок да ладен?..»

Porca Madonna! А она-то, дурочка, благодарила Провидение за столь своевременно пришедшую помощь! Щедр, щедр Шишмарев, деньгами сорит налево и направо. Стало быть, и возчик Лючии, и нечаянный попутчик тоже у него на жалованье? Ну... ну!.. Она даже задохнулась от возмущения – и вдруг, неожиданно даже для себя, расхохоталась. Ну не могла она, авантюристка до мозга костей, воспитанная прожженнейшим авантюристом, негодовать на своего собрата, пусть даже сама сделалась жертвою его авантюры! И Лючия не поленилась подняться с лавки и сделать Шишмареву шутивно-почтительный реверанс в знак того, что поняла – и весьма оценила его талант управлять случайностями!

У Шишмарева, видимо, вытянулось лицо: верно, не ожидал такой догадливости. Конечно, ему бы доставило удовольствие наслаждаться изумлением Лючии, долго и обстоятельно обсказывать ей, как он ехал следом, как выжидал, пока возчик и его подручный не разыграют свои роли, а путешественница полностью не придет в отчаяние...

Своей сообразительностью Лючия как бы выдрала половину лавровых листиков из его венка.

– Однако же востры вы, сударыня, – пробормотал Шишмарев озадаченно. – Востры чрезмерно! Я, признаюсь, не ожидал от вас такой прыти. Умом обладаете воистину мужским!

– Это еще почему? – на всякий случай спросила Лючия, ибо в устах Шишмарева сей комплимент звучал осуждением.

– Да потому, что слишком догадливы. А еще скажу: всякая женщина первым делом спросила бы, с какой радости Александра едет на свадьбу и в путешествие всего лишь в легкой карете, без багажа в обозе! Но, ради бога, – предупреждающе выставил ладонь Шишмарев, – не спрашивайте. И вообще, более не возобновляйте ваш допрос с пристрастием: я и сам все обрисую, и вы поймете, что в моем плане не существует никаких сбоев, для вас нет никакой опасности, а только развлечение и немалая выгода.

Лючия поджала губы. Безобразно плохо, что он обнаружил в ней наличие ума. Мужчина не должен даже подозревать, что у женщины есть ум! Не хватало еще, чтобы Шишмарев начал ее остерегаться и скрытничать, а ведь Лючия намерена вызнаться о задуманном им предприятии как можно больше. Разумеется, и речи нет, будто она намерена участвовать в этом безобразии! Но выведать побольше нужно. Зачем? Да хотя бы затем, чтобы потом предупредить княжну Александру об опасности. Как-никак, сестра. Кому же еще ее спасать, ежели не родной сестре?

Подавив ехидную ухмылку, Лючия потупилась, сложила руки на коленях и, нервно теребя кайму шали, пробормотала:

– Простите, сударь. Я была так неучлива, перебивала вас лишь из своего женского любопытства. Все это меня заинтересовало до крайности. Так необычно, так волну-юще!..

Намеренно растянув последнее слово, она дрогнула ресницами – густые тени задрожали на бледных щеках, потом медленно, рассчитанно медленно подняла виноватые и враз томные глаза на Шишмарева – и несколько мгновений глядела на него этим взором, в коем робости становилось все меньше, а томности – все больше, почти физически ощущая, как он затрепетал. Еще бы ему не затрепетать. Подумаешь, какой-то захудалый Шишмарев! Да от ее взгляда сам Лоренцо Анджольери вибрировал, словно туго натянутая струна...

Лоренцо, дьявол! При воспоминании о нем призывный свет в глазах Лючии погас, осталась лишь робость, и Шишмарев с видимым облегчением вздохнул, словно вырвался из некоего плена, принимая прежний уверенный вид:

– Коли так, сударыня, слушайте. Едет княжна Александра налегке, ибо весь ее гардероб в Москву отправлен загодя, – назидательно проговорил он, и Лючия едва удержалась, чтобы не фыркнуть: «Много ты знаешь о женском уме! Да ведь это и без вопросов ясно любой женщине: если на бал едут налегке, стало быть, наряды либо отправлены загодя, либо придут позже!»

– Смею вас заверить... да что! поклясться готов, что план мой продуман до тонкости и никаких нестыковок быть не может. Разве что помешает какая-нибудь непредвиденность, но от них никто не может уберечься. Тут уж придется сообразоваться с обстоятельствами, и посему я особенно счастлив, что моей партнершей в игре будет столь предприимчивая и хваткая особа.

– Один вопрос! – не выдержав, Лючия умоляюще сложила руки. – Только один!

– Ну? – недовольно буркнул Шишмарев.

– Мы с вами знакомы лишь с позавчерашнего дня, а ваш замысел, судя по всему, обдуман весьма тщательно и задолго до этого. Что произошло бы, когда б вы не встретили меня?

– Ну, что, – неохотно проворчал Шишмарев. – Князь Андрей...

– Андрей? – вскинула брови Лючия.

– Извольский, князь Андрей Извольский принужден был бы исполнить условие пари и похитить княжну Александру.

– Принужден? – с запинкою повторила Лючия. – *Per amor di Dio!*²² Так значит, он женится на ней не по любви?

– По любви?! – с непередаваемым пренебрежением воскликнул Шишмарев. – Кто здесь говорит о любви?! Да эти двое друг друга терпеть не могут!

²² Ради бога! (ит.).

Ах, какая долгая, бесконечно-долгая выдалась нынче ночь! Сначала этот безумный разговор с Шишмаревым, который так и закончился ничем; потом бессонница подступила, и Лючия чуть не до свету сидела под окошком, глядя в непроглядную тьму, столь же необозримую, как все белое, заснеженное пространство России. О Мадонна, эта страна что-то притупила в Лючии, словно бы поуспокоила ее пылкую натуру, до того, что некоторые из ее пленительных свойств здесь как бы оледенели. Вот ведь не кинулась она очертя голову в авантюру, предложенную Шишмаревым, а испросила времени подумать до утра. На самом деле она, разумеется, не намерена была играть в эту нечистую игру с собственной сестрою, но показалось неучтивым без убедительного объяснения отвергнуть просьбу человека, коему она дважды обязана. Кроме того, быстрый ум Лючии уже невольно занялся этим «маскарадом», которому, само собой, не суждено сбыться. Ведь сейчас в Венеции маскарад... а Лючия устроила бы его продолжение здесь, в России. Она не сомневалась, что сумела бы отлично изобразить княжну Александру, поскольку была прирожденная актриса. И что бы там ни молотил языком Шишмарев насчет десятилетней разницы, дело всего лишь в пудре, румянах и напoмаженных губах. Разумеется, грим немножко старит, но Лючия, ночная бабочка, к нему так привыкла, что и в дороге не переставала подкрашиваться. Но если все это смыть, откроется то же свежее восемнадцатилетнее личико, каким, надо полагать, обладает и княжна Александра. Ее сестра... Наверное, она, выросшая среди этих просторов, такая же сонная, малоподвижная, ко всему на свете равнодушная, как и вся ее страна. Да и князь Андрей, очевидно, таков! Лючия их не винила: такая стынь вокруг – тут не до пылкости чувств! Вообще, наверное, русские занимаются любовью только летом – как медведи, пробудившиеся от спячки! Эта мысль до того позабавила Лючию, что она громко фыркнула, и, словно в ответ, за перегородкой раздались шаги Шишмарева.

Вишь-ка, тоже не спит, мечется из угла в угол. Вот свидетельство того, сколь ошибочна посылка Лючии о сонном русском темпераменте: уж Шишмарева-то вялым, бездеятельным никак не назовешь! Он испытывает к князю Андрею ненависть просто-таки вулканической силы, ежели измыслил и тщательно приутопил против него такую каверзу. Не просто женить на нелюбимой, вдобавок нанеся урон ее чести, – женить на прилудной авантюристке, которая оставит князя вскорости в самом позорном положении, сделав предметом насмешек. Единственное благо, которое может произойти в случае согласия Лючии, это то, что княжна Александра постепенно восстановит свою репутацию и не утратит девственности. Однако для Лючии, которая рассталась с сим сокровищем во времена незапамятные с помощью какого-то баркайоло, благо сие было сомнительным. Но для этих оледенелых русских, пожалуй, невинность девицы должна иметь значение...

Шишмарев за стенкой громко топнул об пол. Небось изнемогает от беспокойства, что его план сорвется. Да, для него это много значит, не просто самолюбие потешить! Если Шишмарев, конечно, не соврал, то в случае удачи он делается истинным набобом²³, а при провале не только впадет в настоящую нищету, но и может угодить в долговую яму, перенеся вдобавок позорную публичную порку, которую русские называют торговой казнью. Тетушка его, финансовый гений опасного предприятия, конечно, ни за чем не постоит, чтобы покарать ослушавшегося племянника. Ведь она уверена в своей полной, почти царственной безнаказанности!

Лючия хихикнула, вспомнив, как вчера Шишмарев обрисовывал ей теткин нор. Старуха презирала его какого-то там дальнего, чуть ли не в восьмом колене, предка, который, совершив мезальянс, утратил приставку к фамилии и звался теперь просто Шишмарев, а не

²³ Т.е. сказочно богатым.

Шишмарев-Лихачев. Помешанная на родовитости, эта княгиня теперь презирала и всех потомков того бедолаги, всячески их унижала и даже кликала презрительными именами.

«Вообразите себе, – трясаясь от ярости, рассказывал Лючии Шишмарев, – она, тетушка, мне и говорит: Шишмаревы-Лихачевы, как и просто Лихачевы, Кожины и Кульбакины, судя по Государеву Родословцу ²⁴, ведут свой род от общего высокочтимого предка – короля Албании Элмаса, отца Наяды – Феи Мелюзины! А ты, дескать, как родился Стюхой Шишмаревым, так и в гробу будет лежать Стюха Шишмарев!»

Шишмарева звали Евстигней, и, конечно, превратить сие имя в Стюху можно было отнюдь не из большой любви! За неродовитость презирала тетушка Наяда (ее так звали в честь той самой, достопамятной) и Андрея Извольского, предок коего, Опочинин, всего лишь каких-то 400 лет назад *вышел из воли*, то есть из власти, великого князя Ивана Калиты и переселился жить во Владимирское княжество. За это вся родня от него отступилась, да и Калита желал отомстить, но не успел – помер волею божией, а потомок его, Семен Гордый, строптивого боярина простил, милостиво разрешив ему зваться Извольским и сделаться основателем нового княжеского рода. Однако вовсе не отсутствие корней в тысячелетней тьме времен столь восстановило Наяду Шишмареву-Лихачеву против князя Андрея. Суть была совсем в другом...

Лючия зевнула. *Grazie a Dio* ²⁵, кажется, удастся уснуть. А она-то уж думала так и сидеть ночь под окошком в одной рубахе, укутавшись в шаль, слушая нервические метанья Шишмарева и перебирая в памяти разговор с ним.

Лючия торопливо сбросила с плеч шаль и шмыгнула в постель, но лишь голова коснулась подушки, как сон исчез, будто и не приходил никогда, и перед внутренним взором, словно многоцветные карты, брошенные на зеленое сукно игрального стола, замелькали откровения Шишмарева.

Да, пожалуй, можно не сомневаться, что он был с Лючией вполне откровенен. Ведь игра шла ва-банк. Утаил только причину пари, проигранного Извольским. Небось какая-нибудь безделица... вдобавок, Лючия почти не сомневалась, что проигрыш сей был подленько подстроен Шишмаревым – именно для того, чтобы любой ценой свершилась месть. Мести алкала тетушка Наяда, и причина сего была враз пустой – и огромной, это уж как посмотреть.

В имени Извольских была расторопная крепостная швейка Ульяна. Игла у девки в руках так и летала, и сие свойство было единственным, кое выгодно отличало Ульяну от ровесниц. Внешне девка никак не удалась: маленькая, кривобоконья, на лице черти горох молотили; вековуха, а потому злющая, неприветная! Несмотря на ее огромный портновский талант, хозяйка ее не больно-то жаловали и с охотой согласились продать соседке-помещице Шишмаревой-Лихачевой, тем паче что вздорная барыня предложила сумму баснословную. Однако Наяда отправлялась навестить какую-то родню в Киеве, и сошлись на следующем: она воротится через полгода, тогда и заберет покупку. А деньги внесет сейчас.

Князь Андрей жил широко, был богат, однако от денег никогда не отказывался: взял их и тотчас купил себе в свору новую английскую борзую, которая прежде была ему не по карману.

Соседка отбыла в Киев. Прошел месяц, два, три... и вдруг грянул гром с ясного неба: Улька-то беременна, да не просто, а чуть ли не на сносях! Кто-то все же польстился на сию невзрачную старую деву, однако же покрывать грех не стал. Кое-как добились от чреватой девки, что соблазнил ее захожий коробейник еще по весне, а стало быть, за три месяца до того, как Шишмарева-Лихачева ее купила.

Ну что ж, раз брюхатая – надо рожать. Улька и родила в свой срок, и даже два месяца, расцветшая, пополневшая и похорошевшая, кормила своего младенчика (ее новая хозяйка у родни подзагостилась), но все же настал наконец срок идти ей на новое место. И тут она бро-

²⁴ Список древнейших дворянских родов России, предшественник «Бархатной книги».

²⁵ Слава богу (ит.).

силась в ноги барину с мольбой: младенца оставить в Извольском. Такое бессердечие молодой матери всех покорило, но просьбу уважили. Однако Улька не успокоилась и вымолила, в ногах у барина валяючись, у него клятву перед иконами, что ни за что не отдаст ребенка соседке. Тот посмеялся – и поклялся.

Итак, Улька ушла, обливаясь слезами; сына ее отдали какой-то грудастой молодке, у которой было с избытком молока и для своего, и для чужого младенчика, однако через два дня Шишмарева-Лихачева явилась в Извольское с требованием отдать ей ребенка. Мать, мол, измучилась, молоко из сосцов течет... Князь Андрей, помня клятву, которую выплакала у него Улька, попросил, чтобы она сама пришла за младенцем. Но и через неделю та не явилась, а вновь приехала соседка и пригрозила судом: мол, ежели в момент свершения купли-продажи дитя уже было зачато, значит, плод Улькина греха тоже принадлежит новой владелице.

Князь Андрей пожал плечами и согласился, тем паче что отец-то дитяти был вовсе человек захожий, не его крепостной! Однако он помнил клятву, а потому просил у соседки разрешения переговорить с Улькой. Наяда заартачилась. Потом князь Андрей как-то узнал, что Улька тяжело больна, а ребенка все же брать не хочет. Началась тяжба. Князь Андрей был нетерпелив, судебная волокита его утомила. Он предложил Шишмаревой-Лихачевой откупить свою бывшую крепостную. Та неохотно согласилась, ибо тоже не любила принародных тяжб, однако цену назначила и за молодую мать, и за приплод с учетом понесенного ею ущерба. Цена, верно, вышла несусветная. Чтобы быстро набрать эту сумму, князь Андрей даже свору распродал, предмет зависти всех соседей, и Улька водворилась в прежнем месте жительства, однако и она, и ее хозяин, очевидно, одолеваемый жадностью, принялись распускать чудовищные слухи про тетушку Наяду, выставив ее истинным монстром и зверем в человеческом облике. Разумеется, тетушка обиделась и пожелала отомстить, но втихую.

Самым удобным орудием мести был безденежный племянник, живший исключительно ее щедротами и чаявший баснословного наследства. Наяда, между тем, уже почти пообещала отказать все свое достояние соседнему монастырю, с настоятелем коего была в большой дружбе и не раз делала в монастырь самые что ни на есть щедрые вклады. Итак: удовлетворяет ее шутка, учиненная Шишмаревым с Извольским, – тотчас в его пользу будет переписана духовная. Нет – все имение, и доходы, и сбережения отойдут монастырю.

При этом тетушка предоставила племяннику крупную сумму, из которой он смог и подкупить слуг княжны Александры, и, надо полагать, обеспечить князю Андрею проигрыш пари.

Как и при исповеди Шишмарева за накрытым столом, так и теперь, по размышлении, многое в сем рассказе оставалось абсолютно неясным. Например, князь Андрей представал каким-то вздорным дураком. Зачем понадобилось продавать свое имущество? Ведь через месяц, ну, два, три получил бы доходы с имения – и выкупил свою крепостную. С чего такая спешка? Ответ был один: не заезжий коробейник, а сам князь был отцом Улькиного ребенка и не смог отказать в просьбе своей бывшей любовнице.

От брезгливости Лючия даже передернулась. Князю – спать с крепостной, с мужичкой?! Она уже достаточно пробыла в России, чтобы усвоить взгляд на крестьян как на существ низшей расы, однако – слишком мало, чтобы понять, как невелика разница, порою отделяющая господина от его рабов, чьи жизни в уединенных имениях взаимно зависят друг от друга и близко сплетены. Поэтому вся история, рассказанная Шишмаревым, казалась ей сущей дичью. Тетушка Наяда, разумеется, тоже симпатий не вызывала, но ее побуждения были хотя бы понятны! В случае с Улькиным ребенком закон явно был бы на ее стороне, а князь Андрей поступил с дамою как истинный медведь.

Что это там рассказывал о нем Шишмарев? Некоторые особы вроде бы находят князя неотразимым? Можно представить их понятие о неотразимости! Небось полусонный увалень больше шести футов ростом, вдобавок поперек себя шире, грубый, громогласный, униженный драгоценностями, пахнувший потом, с лицом словно из дерева вытесанным...

И Шишмарев осмелился предложить ей, Лючии Фессалоне, княжне Казариновой, утонченной и нежной, как бархатный лепесток испанской розы, броситься в объятия этого чудища, который валялся в навозе с крепостными девками?! Лючия, привстав, в сердцах взбила кулаками подушку, жалея, что это не Шишмарев и не Извольский одновременно; перевернула ее, рухнула на прохладную сторону, в ярости от того, что утро близко, а сон далек... и вдруг глаза ее закрылись сами собой, и она словно провалилась в пуховую, мягкую бездну, успев еще изумиться, что ей все-таки удалось уснуть.

6

Привет из Венеции

Она проснулась оттого, что кто-то довольно сильно сжал ей руку. Лючия давно уже отвыкла томно потягиваться, предаваясь утренней неге: просыпалась мгновенно, как солдат, готовый еще с закрытыми глазами схватиться с противником. И ей был понятен промельк удивления на лице Шишмарева (а разбудил Лючию именно он), встретившего не затуманенный, а острый, бессонный взгляд. Но, глядя на нее так же остро, Шишмарев выпалил:

– Княжна уже здесь!

Итак, он не оставил своего несусветного замысла, хотя их затянувшийся разговор так ничем и не кончился...

Лючия за спиной подоткнула подушку повыше и села, откинув со лба волосы (она всегда спала без чепца, справедливо полагая, что у нее еще будет время наспаться в нем досыта, когда сделается почтенной матроною). Ей хотелось выпалить сразу, что она не намерена участвовать в интриге, а потом, отделавшись от Шишмарева, как-нибудь встретиться с княжной и предупредить о готовящемся покушении. И все-таки что-то ее останавливало, мешало бросить бесповоротное «нет», добавив все, что она думает о Шишмареве...

А ему, конечно, нельзя было отказать в проницательности! Резко выставив ладонь, словно останавливая Лючию, он проговорил:

– Погодите, сударыня! Вижу, отказ ваш уже созрел и вот-вот сорвется с языка, будто перспелое яблоко с ветки. Но... погодите. Еще несколько слов.

Он подошел к окну и взглянул на сияющий полдень:

– Эка погода разгулялась! Солнышко так и ломит жаром! Нет, воля ваша, а не согласен я с теми, кто говорит, будто луна в Италии лучше, чем солнце в России!

Сердце Лючии пропустило удар, и кончики пальцев у нее мгновенно похолодели. Впрочем, со свойственной ей самоуверенностью она почти сразу внушила себе, что это – не более, чем пустая фраза, и сумела сказать вполне безразлично:

– Да? Не знаю, мне трудно судить, потому что...

– А мне показалось, синьора, что вы вполне можете судить, – резко повернулся к ней Шишмарев.

– Вот уж не знаю, с чего вы взяли! – передернула она плечами, призвав на помощь все свое умение блефовать. – Ей-богу, я в жизни своей не была...

– Не спешите согрешить лживой божбою, – наставительно перебил Шишмарев.

Теперь хорошо бы возмутиться, да сильнее! Это Лючия умела делать отменно:

– Да что вы себе позволяете, сударь?! Бесперемонно врываетесь в комнату к даме и обвиняете ее во лжи...

– Да что вы! – снова, как нанятый, перебил ее Шишмарев. – Это вовсе не я!

– Не вы?! – театрально изумилась Лючия. – То есть ваш облик принял кто-то другой и ворвался ко мне?

– Да нет же, ворвался я, – пояснил Шишмарев так терпеливо, словно говорил с умственно скорбной. – А вот во лжи обвиняю не я.

– Кто же? – всерьез удивилась Лючия. – Господь бог?

– Ну, с господом или даже одним из его ангелов сей господин схож весьма слабо, а вот на диаволова подручного зело смахивает. Знаете, ведь ко всякому крупному врагу рода человеческого приставлены другие – так, на мелкие послуги. Все они пронырливы, умом остры, догадливы, а под деланной вертлявостью таят наблюдательность и сметливость. Один такой, вообразите, заявился здесь чуть рассвело. Человек отважный: пустился ночью из Москвы! Я

как раз завтракал – на его счастье, ибо он хоть и говорит на трех языках, но, по его собственному признанию, я – чуть ли не первый, кто мог связать хотя бы три слова по-французски.

– И как же вы изъяснялись? – спросила Лючия лишь для того, чтобы хоть что-нибудь спросить, чтобы не сидеть замерев от страха, хотя, казалось бы, чего бояться? Мало ли чужеземцев путешествует по России, какая ей может быть в том угроза?

– При нем был толмач-полячишка. Сверху шелк, а в брюхе щелк. Однако по-италийски чешет, как бес.

– У вас куда ни ткни, сударь, сплошные бесы! – сухо усмехнулась Лючия.

– Да видели бы вы сего итальянца, сами сочли бы его мелким исчадием. А голос один чего стоит! Ничего гнусавее в жизни моей не слыхивал. Просто-таки взрезает уши!

Сердце Лючии снова засбоило. Да нет, быть не может... Не может быть!

– И вот, вообразите, этот синьор Чезаре... Ох, сударыня, что с вами?! – всполошенно подскочил Шишмарев, не в шутку испугавшись мертвенной бледности, вдруг покрывшей лицо его собеседницы, словно у нее в один миг выпустили всю кровь.

– Ни-че-го, – едва выдавила по слогам Лючия, вонзая в ладони ногти, чтобы придти в себя. – Итак, что вам сказал Чезаре?

Шишмарев поглядел на нее и задумчиво прижмурил один глаз.

– Ну, он сказал... он сказал, что ищет особу, которая выдает себя за княжну Казаринофф... и в точности описал ту даму, которую вы увидите, ежели соблаговолите посмотреть в зеркало. Ума не приложу, зачем сия особа ему понадобилась?

«Затем, что меня отдал ему Лоренцо! – едва не воскликнула Лючия, словно наяву слыша ледяной голос убийцы своего отца. – Но как, как они могли узнать?! – И тут ее словно обожгло: – Письмо! Я уронила письмо, когда бежала вслед за Маттео из тайного кабинета! Нет, он уже больше не тайный. Однако секретный ящик в стене Маттео, кажется, запер. О Мадонна, пусть это будет так, пусть Лоренцо бесплодно ищет бумаги, ради которых убил Фессалоне, пусть терзается напрасно пролитой кровью! – Но вдруг новая догадка заставила ее задрожать, как в лихорадке: – Да ведь Чезаре потому преследует меня, что его хозяин не сомневается: письма я увезла с собой! И он будет гоняться за мной до тех пор, пока не прикончит так же, как отца. Нет, – тут же поняла Лючия, – письма для него важнее моей жизни. Он или начнет пытать меня, или попытается увезти назад, в Италию. Ну, это, конечно, будет затруднительно, хотя... всякие существуют зелья! Иные превращают человека против его воли в покорного раба! Уж если научились безнаказанно отделяться от своих врагов, если aqua Tofana и aquetta de Perugia²⁶ водились про запас у всех, то что говорить о каком-нибудь гашише! Да венецианец без этого одурманивающего зелья – как немец без табакерки! О, perca mizeria, черт возьми, что же мне делать?! Бежать, надо скорее бежать!.. А что, если меня выдали Шишмарев или Фотинья?!»

Собеседник словно почувал, о чем она думает, и его ответ несколько успокоил Лючию:

– Слава богу, что при сем разговоре не случилось Фотиньи: надо полагать, она самолично отвела бы чужестранца к вам! – Шишмарев игриво хихикнул. – Ну а я, признаюсь, оказался недогадлив и сперва возомнил, что речь идет о княжне Александре. И даже, надо сказать, несколько был оскорблен, что ее приняли за какую-то самозванку, в то время как она самая что ни на есть урожденная... и все такое прочее. А потом меня будто ударило: да ведь синьор Чезаре едет от Москвы, разыскивая даму, от Москвы следующую! Княжна же Александра еще только в Москву направляется. И тут я смекнул, о ком речь. Одна незадача: мы с вами еще ни о чем не договорились, а сей Чезаре уже знал заранее, что вы скажетесь княжной Казаринофф. Воистину, диавол вездесущ! – Он в комическом испуге вылупил глаза. – Однако же серой рядом с ним не пахло, из чего я сделал вывод, что его проницательность зиждется на конкретном знании предмета... Да неужели князь Сергей Николаевич, сей оплот супружеской верно-

²⁶ Аква Тофана и перуджийская водичка – названия двух знаменитых итальянских ядов.

сти, дал-таки трешинку при виде некоей прекрасной синьорины – как нетрудно догадаться, вашей матушки, сударыня?..

Лючия глядела на Шишмарева неподвижными, расширенными глазами, словно кролик на удава, а тот явно наслаждался ее испугом. Однако страх – это была лишь маска, которую Лючия хорошо умела носить, хотя и презирала всяческую слабость. На самом же деле она уже почти пришла в себя, и трескучая скороговорка Шишмарева, вчера так раздражавшая, сегодня немало способствовала ее успокоению. К мыслям возвращалась прежняя ясность, и она уже успела прокрутить в голове, как избавиться от Чезаре. Его надобно или убить (это предпочтительнее, хотя труднее), или сбить со следа так, чтобы он вовеки не нашел Лючию! Это не менее трудно. Главное, не дать ему увидеть себя, приблизиться, знает она этих венецианцев! Ну как же, как ускользнуть?!

Она в ярости стиснула виски: думай, думай! – и вдруг догадка возникла в голове – такая простая и такая страшная, что Лючия едва сдержалась, чтобы не закричать в голос от того, что она собирается сделать. Это было, конечно, наилучшим выходом, но найти его было мало: надо было еще решиться!

Лючия взяла гребень и торопливо пригладила волосы, кое-как заплела косу. Шишмарев смотрел на нее разинув рот. Дурак! Поверил, что у нее вот-вот сердце разорвется от ужаса! Да Лючия Фессалоне, чтоб он знал, в жизни даже в обморок не падала! И еще вопрос, кто будет диктовать условия, если... если она все же...

– Отвернитесь, – скомандовала Лючия, – я оденусь.

Шишмарев, вытянувшись во фронт, сделал поворот через правое плечо, и, ей-богу, оказавшись у него сей минут в руке сабля, он отсалютовал бы, как на параде!

Когда Лючия собиралась в казино, ее туалет был долог и тщателен, требовал помощи модисток и портных. Однако при надобности она могла собраться мгновенно, словно пехотинец, которому протрубили побудку, так что Шишмареву пришлось вновь выкатить глаза, когда, получив через минуту приказ обернуться, он увидел перед собой вполне одетую даму. Единственное, чего она не успела, это накраситься, и Шишмарев даже перекрестился, взглянув на нее, а Лючия поняла, что он пылко берет назад свои вчерашние оскорбления насчет двадцативосьмилетнего возраста.

– Вот что, сударь, – отрывисто проговорила Лючия, взяв операцию в свои руки. – Есть здесь где-нибудь место, откуда бы я могла наблюдать за княжной Александрой, оставаясь для нее незримой?

Шишмарев задумчиво нахмурился:

– Есть.

– Где?

– Идемте, я провожу. Прошу прощения, но мне придется проследовать первым.

– Оставьте церемонии, – нетерпеливо бросила Лючия. – Не до них теперь!

– Вы правы, – бросив на нее острый взгляд, проговорил Шишмарев и выскользнул за дверь.

Лючия кралась за ним на цыпочках по полутемному коридору. Проходя мимо одной из дверей, Шишмарев обернулся и принялся корчить ужасные гримасы, тыча туда пальцем. По его ужимкам Лючия поняла: за этой дверью спит Чезаре! Интересно бы знать, какими байками угомонил его Шишмарев? Уж не посулил ли, что доставит добычу прямо в его лапы? Нет, доверять Шишмареву нельзя, он служит только себе, вернее – наследству тетушки Наяды.

Наконец опасная дверь осталась позади, и Лючия с Шишмаревым прошли в холодные сенцы, пристроенные на задах избы. Шишмарев остановился и, знаком призвав Лючию к молчанию, принялся выколупывать паклю, которой были заткнуты пазы в бревенчатой стене.

Лючия терпеливо ждала, зябко поводя плечами, и вот наконец Шишмарев прильнул к образовавшемуся отверстию, удовлетворенно кивнул, а потом посторонился, махнув занять его место.

Она быстро шагнула вперед и прижалась лицом к настывшим бревнам.

У стола, в точности на том месте, где ужинала вчера Лючия, сидела девушка в сером платье (этот цвет вызвал презрительную усмешку у венецианки) и, склонившись, играла с толстым и ленивым серым котом, валявшимся на полу, как подушка. Она наклонялась так низко, что Лючии видны была только стройная напряженная спина и короною уложенные косы темно-бронзового оттенка.

Кот равнодушно взирал на белый пальчик, поцарапывающий перед ним пол, и наконец ответил на заигрывания широчайшим зевком.

С возмущенным восклицанием хозяйка серого платья выпрямилась, сердито шлепнув ладонью по столу, и тут кот ожил! Невозможно было даже представить, что этот бесформенный, как сырое ржаное тесто, ком способен взвиться с таким проворством! Но все-таки он оказался тяжеловат: только и смог, что зацепился когтями за край стола – и повис. Девушка порывисто протянула руки, пытаясь его подхватить, но обмякший увалень не удержался и тяжело рухнул – повинувшись извечной кошачьей привычке, на все четыре лапы. Видно было, что это событие повергло его в величайшее изумление, так что он даже остолбенел, но через несколько мгновений опамятовался – с хриплым мявом, взывающим к сочувствию, плюхнулся на бок, вернувшись к состоянию привычной ленивой расслабленности.

Что-то зазвенело, раскатилось золотыми бубенчиками, наполнив убогую комнату чудными, мелодичными звуками. Казалось, звенят солнечные лучи, пронизывая золотые кудри, нимбом окружившие лицо княжны Александры. Не тусклая бронза, нет, бледное северное золото, – вот с чем были сравнимы ее светло-русые волосы, а взглянув на сияющую бело-розовую кожу, увидев, как розовеют похожие на мальвы четко очерченные губы, как сверкают ясные серо-зеленые глаза, Лючия поняла утонченное кокетство, с каким был выбран для платья этот жемчужно-серый бархат: никакой другой цвет так не оттенил бы сияющих красок точеного юного лица, чудилось, исполненного блаженного неведения своей ослепительной красоты.

«Santa Msdonna! – смятенно подумала в первое мгновение Лючия. – Да этот Извольский, верно, без глаз, если равнодушен к ней!»

И только тут до нее дошло, что она смотрит на свое ожившее отражение.

И зеркала, и приемный отец, и поклонники, и соперницы, и слуги – все в один голос, хотя и с разным выражением лиц, твердили, что она красива, и Лючия привыкла к этому слову, привыкла воспринимать цветистые комплименты как должное. Но сейчас она почувствовала себя обделенной, ибо всех восхвалений на свете казалось ей мало для описания этого особенного, простодушно-очаровательного взгляда, и мгновенно вспыхивающей и тут же гаснущей улыбки, и этих высоко взлетающих дуг бровей, словно обладательница их то и дело чем-то изумлена... А волосы, ее волосы! Сразу видно, что она никогда не причесывалась ни золотыми, ни серебряными, ни, тем более, свинцовыми гребнями: ведь металл делает волосы темными. У Лючии они имели более насыщенный оттенок, и хотя вот так же мелко, непослушно кудрявились надо лбом и на затылке, она помадила их, укладывая тяжелой, затейливой прядью и нипочем не позволяя развеиваться свободно и естественно.

Вот в чем разница, вдруг с болью поняла Лючия! Эта смеющаяся во весь рот красавица естественна и простодушна, как утреннее розовое солнце, радостно вышедшее на лазурь небес. Она же, Лючия, при том, что схожа с Александрой во всем, от формы длинных, тонких пальцев до манеры вскидывать брови, все же не солнце, а оливко-бледная луна, загадочно возлежащая на черном бархате ночи, и каждое изящное движение ее продумано, и каждый призывный взгляд, каждая утонченная улыбка исполнены отточенного мастерства охотницы за

мужчинами. Porca Madonna, да Лючия не смеялась от души уже лет десять, если не больше, небось и не сумеет!

И вдруг острая, темная зависть к этой ослепительной девушке, к ее улыбке, взору, кудряшкам надо лбом больно ударила в сердце и опьянила Лючию.

Да, повезло княжне Александре, что она появилась на белый свет несколькими минутами позже своей сестры! Воистину, неизреченная милость Провидения! Когда б не это, княжну звали бы сейчас Лючией, и ее волосы потемнели бы от металлических гребней, как душа – от вечной жажды денег, удовольствий, мужчин, и каждое ее движение было бы не грациозно-порывистым, как у котенка, а томно-заученным, словно у кошки перед мартовским котом. Невинность, богатство, уверенность в завтрашнем дне – вот что есть у Александры и чего нет у Лючии, хотя должно принадлежать ей по праву! Зато она обладает умением быстро мыслить и совершать неожиданные поступки, не жалея потом о последствиях...

Лючию вдруг зазнобило. Конечно, сени были холодны, однако не потому она дрожала. В жизни бывают минуты, когда человек понимает: это решается судьба! И сейчас она всем существом своим ощущала себя на пороге именно такого мгновения. А потому, когда чья-то рука вдруг осторожно коснулась ее плеча, Лючия обернулась с готовностью бесповоротно принятого решения – и была немало изумлена, увидев перед собой не величественную Фортуну с повязкою на глазах, а вполне зрячего, невзрачного и донельзя возбужденного Шишмарева.

– Сударыня! – выдохнул он шепотом, который почудился Лючии криком. – Фотинья прибежала сказать, что синьор Чезаре проснулся и звал меня к себе!

– За что вдруг такая честь? – остро глянула на него Лючия. – Вы что же, посулили помочь ему в розысках?

Шишмарев просто-таки ходуном заходил от такой неженской пронизательности и прямоты, но, верно, успел прочесть что-то в глазах Лючии, а потому ответил с той же откровенностью:

– Я же знал, что мы столкнемся, сударыня! – Но она молчала, глядела невидяще, и он повторил настойчиво: – Мы столкнулись, не так ли?

– Делай как знаешь, – махнула рукой Лючия, чувствуя, что сейчас закричит в голос, если еще мгновение послушает звенящий золотыми и серебряными бубенчиками смех своей сестры.

И, верно, Шишмарев это понял, потому что торопливо повлек Лючию по коридору, бормоча:

– Поскорее... с глаз долой! Не ровен час, увидит кто – и вся затея рухнет.

Солнце склонилось к закату, когда Шишмарев в последний раз вошел в комнату Лючии. До этого он заглянул на минуточку спросить, желает ли синьора остаться в своем платье или хочет переодеться в наряд княжны. Лючии хотелось запустить в него башмаком, но его не так просто было снять, а потому она ограничилась сухой репликой:

– Я не ношу обноски! – и Шишмарев ретировался.

Дело было, конечно, не только в обносках. Серый цвет, столь выгодный для Александры, делал лицо Лючии невыразительным, так что между сестрами-близнецами все-таки были различия. Однако Лючия понимала, что ее дорожный туалет все-таки слишком пышен для юной девицы, роль которой ей предстоит играть, а потому она (благо времени было достаточно) кое-где отпоролла рюши, придающие платью чуточку вульгарности, и сменила воротничок из золотого венецианского кружева на белый, брюссельский, очень красивый, но, по сравнению с прежним, монашески простой. И лицо ее сразу же приобрело выражение невинности и просто-

душия, особенно когда Лючия причесалась деревянным гребнем в две косы, оставив на воле множество легких, пружинистых кудряшек.

Глядя на себя в зеркало, она усмехнулась сурово, едва шевельнув губами, и тут же подумала, что следует поскорее отвыкнуть от этой усмешки многоопытной женщины. С этими поджатыми, хищными губами у нее был вид завзятой искательницы приключений. Вспомнив, как смеялась Александра, Лючия попыталась закатиться беззаботным хохотом. Да, похоже. Весьма похоже! Нет сомнений, что она справится с ролью, и, как любят говорить русские, комар носа не подточит. А вот Александре тяжеленько придется! Невинный образ сестры возник перед глазами Лючии, но вызвал не жалость или раскаяние, а лишь презрение – и некое чувство, похожее на мрачное торжество. Она просто-таки физически ощущала, как слепая Фортуна ставит все на свои места. Наконец-то будет исправлена жесточайшая несправедливость, допущенная судьбой к ней, Лючии! Пусть теперь ее беленькая, прозрачная, простодушная сестричка узнает, что такое сырой полумрак палаццо на Canal Grande, и вкрадчивый плеск весла по крошечной-темной воде, и солнце, завешенное маревом тумана, отчего все краски как бы приглушены, растушеваны... O la bella Venezia, Лючия уже сказала тебе – addio, теперь очередь Александры сказать – salve ²⁷! Ну а она...

Она принялась выработать улыбку, и к тому времени, когда вернулся Шишмарев, освоила и ее, и взлет бровей, дрожанье ресниц и этот невнимательный, словно бы невидящий взгляд, так что могла бы и самого дьявола обвести вокруг пальца, не то что увальня-князя, которому предстояло сделаться ее мужем. И вдруг некая догадка настолько омрачила ее торжество, что Лючия даже за виски схватилась в отчаянии... Тут-то и появился Шишмарев – едва ли не вприпрыжку, сияющий, как новенький грош, и один взгляд его безошибочно сказал Лючии, что дело слажено: введенный в заблуждение Чезаре, словно волк, уволок свою добычу. Лючия не знала и знать не хотела, как все произошло, но понимала, что не обошлось без какого-нибудь зелья, кое ревнивая Фотинья с удовольствием подсунула княжне в молоко, вине, квасе – какая разница, в чем! Дело стояло лишь за тем, чтобы вынести обеспамятевшую жертву, погрузить ее в возок – и гнать на переменных тройках как можно скорее к границе! Итак, одна сестра похищена, другая терпеливо ждет своего часа.

Лючия тихонько засмеялась, и Шишмарев глянул озадаченно:

– Вот женщины! Смеетесь, а ведь только что были опечалены, когда я вошел. Чем, позвольте спросить?

В наблюдательности ему не откажешь, в бесцеремонности тоже.

– Ну, чем... мало ли! – туманно ответила Лючия. – День клонится к вечеру, когда же объявится ваш жених?

– *Ваш* жених, – уточнил Шишмарев. – Ваш, прекрасная... простите, мне все недосуг было узнать ваше имя, а вы не удостоили меня чести назваться.

– Как?! – изумленно воззрилась на него Лючия. – Разве вы не знаете? Но ведь я княжна Казаринова, Александра Казаринова!

– А по батюшке? – быстро спросил Шишмарев.

– Александра Сергеевна! – так же быстро ответила Лючия, и Шишмарев потер руки:

– Ах, хорошо, хорошо, отлично! Вижу, сударыня, вы вполне стоите того щедрого гонорара, которым будут оплачены ваши услуги – потом, когда спектакль будет сыгран.

«Надо бы потребовать деньги вперед, – подумала прежняя Лючия, а новая усмехнулась про себя: – Насчет гонорара – это мы еще посмотрим!»

Вслух же она сказала:

– Мне бы хотелось узнать чуть больше о человеке, за которого я сейчас выйду замуж. Интерес мой вполне объясним, сами понимаете.

²⁷ Привет! (ит.).

– Ну что вам сказать... – протянул Шишмарев. – Можете не сомневаться: князь Андрей – волокита, страстный игрок и любитель всевозможных удовольствий. Он всю жизнь был занят только покорением женских сердец, картами и устройством блестящих праздников в своем имении.

Лючия облегченно вздохнула. Таких удалцов она знала как облупленных и лихо умела справляться с ними. Гораздо труднее пришлось бы ей с неискушенным праведником или неотесанной, а характеристика Шишмарева изображает хотя бы светского человека. Северный вариант Лоренцо... ну-ну!

– Вы говорили, он красив? – спросила она с живейшим любопытством.

– Да, он хорош собою, – неохотно согласился Шишмарев, – но взгляд у него отталкивающий.

«Больше, чем у тебя?» – насмешливо подумала Лючия и, испугавшись, что Шишмарев прочтет издевку в ее глазах, с деланным беспокойством обернулась к окну:

– Однако уже смеркается, а его все нет. Вы уверены, что князь решится исполнить условия пари? Все-таки открыто, среди бела дня, умыкнуть благородную девицу силою – это может ему здорово навредить во мнении света и вашей государыни!

– Чего у него не отнимешь, – кисло ответил Шишмарев, – это умения держать слово – и бесстрашия. В жизни не видел человека, который бы так ничего не боялся, как князь Андрей! Если он сказал, что придет, – значит, придет, даже если против него выйдет полк солдат.

– Вот об этом я и говорю, – кивнула Лючия. – О непредвиденных случайностях, которые могут помешать...

– Вы уже знаете, сударыня, как я подстраиваю случайности, – перебил Шишмарев, чье лицо еще несло выражение оскомины оттого, что пришлось похвалить ненавистного князя. – Точно так же я умею от них избавляться. Не сомневайтесь: все пройдет без сучка без задоринки, если за дело взялся я! Я даже позабочусь о том, чтобы князь Андрей не заметил, что перед ним на брачном ложе не цветок невинности, а... как бы это поизящнее выразиться... прекрасная иностранка, которая торговала своими прелестями! Сознаться, ведь именно этим вы были озабочены, когда я вошел?

Лючия вонзила ногти в ладони, впервые осознав, что Шишмарев не только очень забавен, но и очень опасен. С ним надо быть крайне осторожной, и хорошо, что она получила предупреждение вовремя!

Послышался торопливый стук в дверь и задушенный голос Фотины:

– Едут! Князь едут!

– Ни о чем не беспокойтесь, – торопливо заметил Шишмарев. – Венчание пройдет здесь – князь везет с собой попа; ваша первая ночь будет уже в Извольском, но я позабочусь о том, чтобы супруг ваш добрался до постели не вязавши лыка. А теперь я прощаюсь с вами, мне надо...

– Погодите, – схватила его за рукав Лючия. – Где мы встретимся с князем?

– Ну, здесь, конечно, – повел рукой Шишмарев.

– Нет. Проводите меня в столовую – я встречу князя там.

– Сделаю, – кивнул Шишмарев. – Ну, скорее!

Уже ни от кого не таясь, они вихрем пролетели по коридору, и Лючия ворвалась в столовую в тот миг, когда на крыльце затопали вновь прибывшие. Шишмарев ринулся встречать их, а Лючия, усевшись и раскидав складки платья в продуманном беспорядке, схватила кота, все еще спавшего там, где он давеча упал, и, подняв его с некоторою натугою, принудила зацепиться когтями за край стола и повиснуть.

Кот медленно повернул голову и воззрелся на Лючию. Никогда, ни до, ни после, не доводилось ей видеть такого всепоглощающего изумления на усатой кошачьей физиономии, и как

ни была взволнована и напряжена Лючия, ей не пришлось прилагать ни малейших усилий, чтобы рассмеяться, так что, когда отворилась дверь, вошедших встретил залиvistый хохот.

Лючия смеялась – но глаза ее были настороже. Она увидела высокого светловолосого человека – стройного, статного; увидела, что он сдержан и молчалив, у него изящный вид, выразительный взгляд, но главное – у него страстное, яркое лицо! И он был красив... в самом деле красив, больше, чем она могла надеяться!

От радости, смешанной со страхом, Лючия еще пуще рассмеялась – и каким смехом! Огонь в глазах, ослепительно белые зубы, тонкие черты изящного лица...

Разве могла так смеяться невинная, бесцветная Александра? Да никогда в жизни! Да где ей!

И Лючия увидела, ей-богу, она увидела, как дрогнули в ответной улыбке губы этого человека... как дрогнуло его сердце. Он был сражен первым выстрелом, он уже принадлежал ей – с первого взгляда, с первого мгновения!

В это время кот рухнул на пол, и засмеялись уже все присутствующие. Все смотрели на горемычного увальня, валявшегося на полу, и только князь Андрей не отводил взора от Лючии. Она тоже смотрела на него безотрывно и настолько была упоена своей победой, что не заметила: первый взгляд стал роковым и для нее.

Часть II АЛЕКСАНДРА

7

Пробуждение к кошмару

Квас у Фотины оказался кислым, шибал в нос перебродившим бражным духом. Александра всего глоточек-то и сделала, однако и этого достало, чтобы вдруг обморочно закружилась голова и пошли двоиться предметы. «Я захмелела! – с изумлением поняла Александра. – Ей-богу! В первый раз в жизни. Как интересно!»

Она тупо наблюдала, как плавает вправо-влево ленивый хозяйский кот, не сводя с нее сонно прижмуренных глаз. Фотинья, принеся на подносе жбанчик с квасом, глядела на осоловевшую княжну с болезненным любопытством, не замечая, что ее тоже раскачивает то вправо, то влево. Так же закачался и человек в вороном парике, несмело заглянувший в комнату и опасливо воззрившийся на Александру. Она с трудом вспомнила, что это Шишмарев, московский знакомый, но ни слова приветствия сказать ему не смогла: вдруг замутило так, что пришлось сжать зубы и зажмуриться, чтобы не стошнило. Теперь ее обступали голоса, мужские голоса, казавшиеся слишком громкими – до боли в ушах. Вдобавок совершенно невозможно было понять, о чем они говорят, и у Александры даже лоб заломило от напрасных попыток найти хоть какой-то смысл в их словах.

– Наконец-то уснула! – воскликнул кто-то незнакомым, шипящим, польским выговором, и Александра кое-как уразумела, что речь идет о ней: ведь именно она сейчас неудержимо проваливалась в победительный, всевластный сон.

– Да, – пробормотала она. – Да, я сплю...

И мир для нее надолго перестал существовать.

Впрочем, спала она с удовольствием. Это было куда приятнее, чем ощущать немилосердные толчки (Александра поняла, что ее куда-то везут, но куда и зачем – даже думать об этом было выше ее сил), жевать какую-то неудобоваримую еду, пить исключительно Фотинин квас. Лишь только она чуть-чуть просыпалась и начинала вяло причитать, что ей необходимо по нужде, какие-то двое подхватывали ее с обеих сторон и волокли в стужу, где она безотчетно делала, что надобно. Каким-то образом она понимала, что эти люди щадят ее стыдливость, не стоят вблизи, отворачиваются... а впрочем, все чувства были в ней беспрестанно подавляемы напитком, которым ее непрестанно пичкали. Иногда она слабо сопротивлялась, смутно понимая, что ее нарочно опаивают каким-то зельем, но напрасно: эти двое были сильнее. Когда Александру будили поесть, она просыпалась весьма неохотно, прежде всего потому, что ее никогда не называли настоящим именем, а кликали Лючией или чихвостили *ladra, avventuriera* или вовсе *diavola bambola*²⁸. Почему-то Александра понимала эти слова, хотя они и были произнесены на чужом языке. Вообще говоря, эти двое всегда говорили на этом языке, который Александра каким-то образом понимала – сначала плохо, потом все лучше и лучше, хотя смысл их речей большей частью не достигал ее замутненного сознания.

Она соображала тем не менее, что все еще находится в пути: ее тело смутно вспоминало состояние постоянного движения на переменных тройках. Иногда, открыв глаза, она видела вокруг себя какую-нибудь мрачную избу, которую освещала лучина, уцепленная в железную расщепленную пластинку, что вделана в деревянную палку с подножкой. Лучина, догорая,

²⁸ Воровкой, авантюристкой... чертовой куклой (ит.).

перегибалась и, дымясь, падала в подставленную плошку с водою; новая с треском ярко вспыхивала... это повторялось часто, до бесконечности часто, как сон и явь!

И вот наконец Александра в первый раз толком проснулась.

Сначала она чувствовала себя как бы в лодке, которая беспрерывно колыхалась то в одну, то в другую сторону. Чем дальше, тем более умножались и усиливались толчки. Александра начала стонать. Иногда в ответ раздавалась раздраженная, почти неразборчивая скороговорка, и Александра умолкала, но ненадолго, и при новых толчках снова принималась стонать. И вдруг она ощутила, что заваливается на бок и летит куда-то... во что-то мягкое, холодное... до ужаса холодное! Нечто влажное, ледяное прилипло к ней сверху, как если бы некий полог обрушился, сковывая все движения и грозя удушить. Вдобавок на нее навалилась какая-то мягкая шуршащая тяжесть, окончательно повергнув в панику.

Александра истошно закричала, и не сразу до нее донеслись два голоса, которые наперебой приказывали ей, чтобы она продвинулась как-нибудь к отверстию, прорезанному ножом. Александра сначала ничего не понимала и могла только стенать, но чем холоднее становилось, тем более прояснялись мысли. Наконец-то она поняла, чего от нее хотят, и, сбросив с себя груз (это оказался какой-то мешок), на четвереньках поползла туда, где брезжил свет. Стоило ей высунуться, как ее схватили за плечи и вытащили наружу одним рывком, таким сильным, что Александра упала вниз лицом на что-то колючее, мокрое, студеное.

Это был снег, теперь она узнала его: грязный, полурастаявший, ноздреватый и совсем не белый, но наконец-то Александра обнаружила нечто знакомое! Она приподнялась и увидела, что поблизости лежит завалившаяся набок линейка, застегнутая с обеих сторон кожаными фартуками, а в постромках бьются упавшие лошади, которых пытаются поднять каких-то трое мужчин. На Александру никто не обращал внимания, и она встала, выпрямилась, шатаясь и обеспокоенно озираясь по сторонам. Вокруг валялись разбросанные вещи; рядом лежал мешок с овсом – возможно, именно он придавил Александру. Она увидела какие-то узлы, саки – и рассеянно принялась подбирать их. И вдруг ее словно ударило: она осознала, что неведомым образом перенеслась из постоянного двора в какое-то чистое поле, в общество незнакомых мужчин. Туманные картины проплыли перед взором ее памяти, и Александра едва не закричала от ужаса, сообразив: да ее же похитили! Похитили неизвестные люди и везут неизвестно куда! Не думая, не размышляя, повинувшись только нерассуждающему желанию спастись, Александра рванулась вперед и со всех ног понеслась к узкому синему крылу леса, огибающему грязно-белое поле. Однако скользкая корка наста не давала быстро бежать, Александра упала на колени, попыталась снова вскочить, но тут чьи-то руки вцепились ей в плечи и резко повернули.

Два искаженных страхом и ненавистью лица замаячили перед ней. Одно принадлежало поляку, это можно было понять по трусливому, бегающему взгляду и запыхавшемуся шепотку: «Пшепрашем, пани... Ох, пся крев...» Второе – маленькое, гладкое, смуглое, с прилизанными черными волосами, лицо отталкивающее, лицо без возраста, без единого выражения, кроме злобы. Тонкие, змеиные губы искривились, гнусаво выкрикнули: «Puttana!»²⁹ – и чья-то рука с такой яростью хлестнула Александру по щеке, что она рухнула без чувств.

Теперь она долго не ощущала вокруг себя ничего, не чувствовала дороги, а просто тяжело, тупо спала, и тем более неожиданным оказалось для нее пробуждение.

Она проснулась оттого, что нечто горячее – но не жгучее, а приятно-горячее – охватывало ее тело и непрерывно плескалось на голову. При этом чьи-то пальцы немилосердно теребили

²⁹ Шлюха! (ит.).

ее волосы, но даже это было приятно Александре, так как несло дивное ощущение чистоты и свежести. Открыв набрякшие, заспанные глаза, она обнаружила себя сидящей по горлышко в лохани. Чьи-то руки горстями набирали воду, чтобы мыть ей голову. Александра долго смотрела на эти мелькающие руки, на воду, над которой курился парок, на очертания своего исхудавшего тела, различимые под водой, – смотрела в глубокой задумчивости, в том рассеянии мыслей и чувств, какое бывает на границе между бодрствованием и сном, жизнью и смертью, пока человек, который ее мыл, не зашел спереди, и Александра не увидела старуху.

Это была не русская старуха, сразу ясно! Русские бабушки не носят высоких накрахмаленных чепцов, пышных юбок с корсажами, у них не такие рубахи, нет шейных косынок... да и вообще, у наших приятные, милые, мягкие лица, а эту будто кто-то делал-делал, потом рассердился – и бросил, настолько негармоничным, случайно составленным казалось ее лицо.

Александра испугалась, потом успокоилась. Надо думать, старуха ей снится, а потому следует и воспринимать ее как неприятное сновидение, думая лишь о приятном: о горячей воде.

Однако сей милой радости она была скоро лишена: больно отжав ее волосы, словно это было какое-нибудь белье, старуха грубо вытерла их и затем, не говоря ни слова, резко потянула Александру за руку – встать. Нехотя подчиняясь, та громко, протестующе вскрикнула; на этот звук тотчас распахнулась дверь, и перед Александрой появились двое: какой-то пухлощечкий, а с ним невысокий, смуглый. В пухлощечком Александра сразу узнала поляка. Второй был весьма щеделушен, а его маленькая прилизанная головка нелепо торчала на длинной шее, явно доставшейся ему от какого-то другого тела. Александра сначала подумала, что он иностранец: таких уродцев в России она не видела! – а потом вспомнила его. Да это же он недавно назвал ее шлюхой!

Все эти мысли промелькнули в голове быстрее мига, за который Александра, поняв, что осталась обнаженной, выхватила из рук старухи большую простыню и прикрылась ею.

Чернявый гнусаво захохотал:

– Откуда такая стыдливость, синьорина? Ежели это потому, что мы с вами незнакомы, то поспешу представиться: мое имя – Чезаре, я на службе у хорошо известного вам князя Анджольери – назовем его пока так. Я секретарь синьора Лоренцо, исполнитель самых конфиденциальных поручений и поверенный его тайн. Например, он не утаил от меня одной пикантной сцены, при которой присутствовал в казино Моро: там вы, уподобясь одновременно Аспазии, Фрине, Мессалине и Клеопатре, полностью сбросили с себя одежду и забавлялись тем, что предлагали всем желающим пить из бокала, в который обмакивали сосок то одной, то другой груди. Вот почему я удивился, когда вы столь внезапно закрыли от меня свои прелести. Все равно они уже скоро станут моими. Вам, должно быть, неведомо, однако синьор, которому принадлежит ваша жизнь, отдал вас мне. Ему вы не нужны, ему нужны только письма, украденные старым пройдохой Фессалоне – да сгноит господь его душу! – а потом и вами.

Из этого торопливого, гнусавого монолога Александра поняла только одно: ее обвиняют в краже, – и вся честь, вся кровь ее взбунтовались.

– Да вы не в своем уме, сударь! – воскликнула она, мимолетно удивившись тому, как легко подчиняется ей итальянский язык, хотя уже и полузабылись уроки, некогда даваемые ее учителем музыки. – Я ни у кого ничего не крада!

– Ну, понятно, синьорина Лючия, – кивнул человек, назвавшийся Чезаре. – Вы сочли, что письма принадлежат вам по праву, как наследство отца. Однако Фессалоне ведь не был вам отцом.

– Конечно, не был! – в восторге оттого, что слышит хоть одно здоровое слово, воскликнула Александра. – Мой отец – князь Казаринов!

Поляк хихикнул, а Чезаре нахмурился.

– Чем скорее вы перестанете забивать свою голову этой чепухой, тем будет лучше, – сказал он сердито. – Я полагал вас умнее. Фессалоне сам признался, что вся его жизнь – ложь, я ведь читал его письмо, вернее, те несколько страниц, которые удалось найти. Но и по этим обрывкам стало ясно, что старый негодяй не изменил себе и перед смертью. Он наплел каких-то небылиц, которым вы поверили.

Конечно, князя Казаринофф очень богаты, и вы надеялись откусить немалый кусочек от сего сладкого пирога, шантажируя их итальянскими приключениями князя Серджио. Но не вышло! Фортуна к вам переменялась, синьорина Лючия! Теперь ваше благополучие и жизнь зависят от меня... конечно, в первую голову от синьора Лоренцо, а потом уже от меня, – поправился он.

– Ради бога, – пробормотала Александра, и слезы навернулись на ее глаза, – ради господ бога, о чем это вы все время толкуете? Я не понимаю...

– Сударь, сударь! – громко, как к глухому, обратилась к Чезаре старуха на резком, лающем языке, который тоже был знаком Александре: старуха говорила по-немецки. – Скажите, сударь, это правда, что она воровка, преступница?

Чезаре высвободил рукав своего камзола из цепких пальцев старухи и кивнул.

– Да, почтенная фрау, – отвечал он на ужасном немецком. – Вам не верится в мои слова, вам чудится, что нравственная чистота и искренность ярко запечатлелись на ее лице? Ничуть не бывало! В облике этой женщины природа налагала самым бесстыдным образом. *Pro crimibus*³⁰, содеянные ею, она вполне достойна быть заключена в подземную темницу во Дворце дождей! *Rogsa madonna!* Мне даже находиться с ней рядом противно! – И патетически плюнув, он вышел, бросив на прощанье: – Покарауйте ее пока что, синьор, тьфу ты, пан Казик, я скоро вернусь, только отдышусь немного, не то убью ее на месте!

Вряд ли немецкая старуха знала, что такое Дворец дождей, однако священный ужас отобразился во всех дочиста промытых морщинах ее некрасивого лица:

– И вы оставили со мной наедине такую страшную злодейку? Но ведь она могла бы меня задушить, а потом бежать, и тогда мои маленькие внучата никогда не увидели бы своей доброй бабушки! Ни минуты я здесь больше не останусь! А ну, убирайся из моей лохани, греховодница!

С этими словами она грубо выдернула из лохани Александру, так что половина воды выплеснулась на пол, и, натужась, выволокла тяжелый сосуд за дверь. Однако немецкая чистоплотность взяла верх над ужасом, потому что старуха воротилась вытереть лужу. Жаль только, что эта пресловутая чистоплотность превзошла и стыдливость, ибо вытирала немка пол не чем иным, как простынкою, которой укрывалась Александра, так что та осталась обнаженной под пристальным взглядом пана Казика. Руки старухи оказались весьма проворны, лужа исчезла в мгновение ока, а вслед за тем исчезла и сама старуха, оставив Александру во власти поляка.

Мало, что наряд его напоминал попугая – он был надушен, как султан, и Александра, несмотря на испуг, невольно закусила губу, чтобы не рассмеяться. Да, в пане Казике не было ничего, способного внушить ей ужас, – кроме взгляда.

Неприкрытая, алчная похоть вспыхнула в маленьких бесцветных глазках.

С криком Александра ринулась к окну, рванула створки, но они оказались накрепко прибиты. К тому же зрелище, открывшееся за окном, ошеломило ее и даже заставило забыть о пугающем взоре пана Казика.

Солнце, опускаясь к закату, освещало косыми лучами улицы неведомого города. Около высоких и узких домов странной, невиданной архитектуры на скамьях сидели их хозяева, мужчины и женщины, тоже в странных костюмах. Среди них Александра успела разглядеть знако-

³⁰ За преступления (лат.).

мую старуху, которая что-то рассказывала, сурово тыча пальцем вверх, словно обвиняя самого господина в том, что ее заставили мыть преступницу, достойную... ну и так далее.

Боже! Чужой город, чужая страна, в которую она завезена злыми людьми! За что, почему? За кого ее принимают, за чьи ошибки и преступления принуждают рассчитывать?!

Она в отчаянии обернулась к пану Казику, намереваясь умолять его все ей объяснить, намереваясь объяснить ему его ошибку, однако остолбенела, увидев, что он приблизился почти вплотную к ней и что-то торопливо делает руками внизу своего живота. Живот был жирный и голый: пан Казик стоял со спущенными штанами, и Александра расширенными, неверящими глазами уставилась на какой-то отросток плоти, который пан Казик лихорадочно тер руками, истово бормоча:

– Ну, вставай же, вставай, ну!!!

Что-то белесое, неопрятное вяло колыхалось в его пальцах, и Александра, с отвращением отведя взгляд, смотрела на побагровевшее лицо пана Казика. Она была так невинна, что даже не очень испугалась его движений, потому что не поняла их смысла. Вдобавок глаза поляка были теперь не похотливыми, а сердитыми и даже испуганными, а потому Александра, которая не забывала о своей наготе, попыталась прошмыгнуть в угол, где валялись какие-то тряпки. Но не тут-то было! Пан Казик оказался весьма проворен и перехватил ее, а потом с силой швырнул перед собой на колени, бормоча:

– Ну, приласкай же его, поцелуй!

Александра, не веря своим глазам, вытаращилась на дурно пахнущее нечто, которое дрожащие пальцы пана Казика совали ей в лицо. Ее чуть не стошнило.

Отпрянула, но пан Казик одной рукой впился ей в затылок и с силой прижал к своему грязному отростку.

Александрке было так больно, что у нее даже зубы зачесались – что-нибудь укусить! Проще всего было впиться в этот кусок немойтой плоти, но уж больно было противно, к тому же она всерьез опасалась, что от злости может его откусить, а потому исхитрилась чуть повернуть голову и впиться зубами в жирную ляжку пана Казика.

Страшный вопль сотряс стены дома, и старухи, судачившие внизу, надо полагать, дружно осенили себя крестным знаменем.

Пан Казик оторвал от себя Александру и швырнул ее на пол, а сам, путаясь в спущенных штанах, испуская дикие крики: «Матка Боска! Пан Езус! Убила! До смерти убила, пся крев!» – ринулся прочь, жалобно причитая. Дверь за ним захлопнулась, и Александра осталась одна – лежать на полу, разжимать сведенные судорогой челюсти и выплевывать жесткие волосы, оставшиеся у нее во рту.

Сначала она оделась.

Едва найдя силы подняться, побрела к своему любимому серому платью, валявшемуся в углу. Нет, надеть его нельзя было под страхом смерти! Оно превратилось в какие-то ветхие, грязные обноски. Разумеется, ведь Александра не снимала его ни днем ни ночью, пока Чезаре и пан Казик (оскомина свела при этом имени!) волокли ее сюда в возках и кибитках. Неведомо, сколько времени миновало, но никак не меньше месяца: в Германии (надо полагать, они сейчас в Германии) настоящая весна. Нет, с серым платьем придется, увы, проститься. Что же надеть? Вокруг громоздилось не меньше десятка узлов и баулов. Наверное, это ее вещи? Иначе пан Казик и Чезаре унесли бы их отсюда. Александра склонилась к узлам и баулам и принялась их открывать, от души надеясь, что похитители позаботились вместе с нею похитить ее гардероб.

Ей снова не повезло – это оказались чужие вещи, которые Александра сначала сконфуженно отбросила, а потом, подперев дверь тяжелым стулом, чтобы к ней внезапно вновь не

ворвался омерзительный пан Казик, перебрала все до единой, с каждым мгновением приходя все в больший восторг: так они оказались хороши!

Нижние юбки были сшиты из тончайшего, шелковистого льна, украшенного кружевом с золотой нитью, как будто на них предстояло смотреть не только даме, их носившей, но и посторонним. Таким же утонченным кокетством отличалось все белье, от рубашек до белых и цветных чулок. Оно лежало в отдельном саке, и Александра сперва даже не поняла, что это – исподнее, решила, что летние платья. Но уж когда она добралась до платьев, из ее груди исторгло что-то вроде стога. Тяжелые шелка, парча, атлас, муар, креп, гродетур самых изысканных цветов, с самым изысканным цветочным орнаментом. И у каждого наряда узкий лиф, банты, изящная шнуровка – в основном спереди, что очень удобно; вырезы оторочены кружевами несравненной прелести, тоже с серебряной или золотой нитью, на рукавах – пышные воланы... Утренние неглиже с изящными чепчиками, сшитыми, чудилось, из розовых лепестков... Некоторые платья были отделаны разнообразнейшим мехом, ну а круглая, подбитая мехом кофта «карако» на несколько секунд просто-таки лишила Александру дыхания.

Описывать туфли из атласа или сафьяна всех мыслимых и немыслимых расцветок, на высоких каблуках, слов вообще не было.

Время шло, а Александра так и сидела, совершенно голая, среди всего этого великолепия (нечто подобное мог испытывать разве что Али-баба, вошедший в знаменитую пещеру с ее сокровищами) и растерянно трогала то одну вещь, то другую, чувствуя себя при этом как в сказке, где все происходящее не может быть объяснено жалкими законами здравого смысла. Однако чем дольше она любовалась платьями, нижними юбками и сорочками, тем отчетливее понимала, что это вещи не случайно куплены – они тщательно подобраны. Очевидно, похитители попросили какую-то особу подготовить гардероб для Александры. И, без сомнения, эта дама, послужившая для нее модисткой, располагала немалыми деньгами, изысканным вкусом, а также была весьма искушена во всех модных ухищрениях. Но, при всем восхищении своим новым гардеробом, Александра чувствовала, что сама-то она еще трижды подумала бы, прежде чем купить именно эти вещи: уж очень отличались они от того, что она привыкла носить прежде! В тщетной надежде отыскать нечто подобное достопамятному серому платью, она выбрала тяжелый муар глубокого и в то же время слегка затуманенного синего оттенка, туфли в тон, белые ажурные чулки, белый воротничок, прикрывающий декольте (не стоит упоминать, что скромного закрытого платья найти не удалось). Причесалась в две косы, как привыкла носить дома, однако, заглянув в облепленное лютеранскими ангелочками зеркало, нашла очень мало сходства с той Александрой, которая некогда смотрелась в русские зеркала.

Строго говоря, Александра, никогда не забывавшая слова какой-то «разумницы», что люди из самолюбия считают себя красивее, чем они есть, всегда была уверена, что зеркала ей льстят, а отличаясь натурой тихой и рассеянной, не умела, да и не любила нарочно привлекать к себе внимание. Нет, у нее не было жеманно-сдержанного вида и натянутых манер, которые встречаются обыкновенно у деревенских господских дочек. Она могла быть очень резвой, говорить все, что придет в голову, – особенно когда рядом не было родителей. Князь Казаринов под видимой мягкостью (дипломат!) имел характер стойкий и твердый, и хоть служил дочери Петра Великого, все же во многом следовал патриархальным старинным обычаям и правилам, усвоенным еще в детстве. Вследствие этих правил он строго наблюдал за тем, чтобы дочь его была в полном повиновении у него и матери. Княгиня Екатерина вполне была с ним согласна. Поэтому в их присутствии Александру ожидала суровая светская муштра и подчинение приличиям. Оставшись же под присмотром бабушки, она пользовалась полной свободой: бегала одна, стреляла из лука, никогда не попадая в цель, спускалась с пригорка, где стоял дом, в долину, к реке, протекавшей там, гуляла на опушке леса, влезала на старый дуб рядом с домом, рвала там желуди...

В ней как бы жили две разные Александры. Одна – беленькая, нежная до прозрачности, хорошенькая, расфуфыренная, в кружевах и атласе куколка с совершенно пустой головкой, всецело поглощенная суетностью жизни и соблюдением приличий. Другая – словно бы сотканная из радостей и веселья, озорства и безрассудства, страдающая лишь оттого, что сердце ее пусто.

Чтение романов приехотило ее мечтать о герое, представляющем собою совершенство по красоте и благородству души. При этом она прекрасно знала, что судьба часто готовит девушке в мужа человека не вполне подходящего. И князь Андрей впервые удостоился восторженных мечтаний Александры, когда предстал перед ней не просто скучным соседом, а романтическим героем. Ведь она знала о пари! Она хотела помериться с Извольским хитростью. Даже в бесчувствии, даже в плену зелья она подспудно надеялась, что именно князь Андрей похитил ее... но надежда рассеялась, как сладкий сон.

От необременительных грез она пробудилась для непрерывного кошмара!

8

Путешествие

Через несколько дней, найдя среди своего нового багажа золотистую шаль с затейливым орнаментом по кайме и разгадав в сплетении цветочных стеблей витиеватую надпись «Лючия Фессалоне», Александра догадалась о причине своего несчастья: ее просто-напросто приняли за другую! Этой другой и принадлежали неприлично изысканные наряды!

Александра удивилась, что не связала концы с концами, еще когда впервые услышала это имя от Чезаре. Извиняло ее только то, что прежде она была совершенно одурманена и не могла здраво рассуждать при всем желании. А теперь все стало ясно. Эта Лючия, кем бы она ни была, почему-то выдавала себя за княжну Казаринову – это и ввело Чезаре в заблуждение. Он, наверное, ни разу не видел Лючию Фессалоне и пребывал в уверенности, что получил именно ее. И никакие силы земные и небесные не могли развеять это заблуждение: он слова не давал молвить Александре, тут же начиная твердить про какого-то синьора Лоренцо, который должен получить от проклятушей Лючии письма, а потом свершить свою месть. Глупее всего, что свободу Александре предстояло получить тоже из рук этого Лоренцо: ведь, увидев ее, он сразу поймет, что Чезаре жестоко ошибся и привез другую женщину. Разумеется, Александра тотчас будет отправлена со всеми возможными извинениями в Россию. И, может быть, самое разумное теперь – спокойно продолжать путешествие, хотя бы для того, чтобы поглядеть, как месть Лоренцо обрушится на супостата Чезаре и его недоумка-подручного. Но это было последним развлечением, которое пожелала бы увидеть Александра: она почему-то ужасно боялась Лоренцо.

Еще бы! Чезаре так жутко его живописал! Лоренцо (в самом имени его слышались звон разящей сабли и бряцанье кандалов в гулкой тишине подземелья) представлялся Александре черным, зловещим пауком-стариком, алчущим крови своей жертвы. Из-за каких-то писем преследовать с такой жестокостью красивую женщину! Александра не сомневалась, что неведомая Лючия должна быть весьма хороша собой: носить такие декольте может себе позволить только обладательница ослепительной кожи и роскошной груди. Она была стройна – ведь все ее туалеты пришлись впору Александре; судя по подбору цвета нарядов, светловолосая, с ярким лицом. И ножка у нее, наверное, была изящная, с таким же круто выступающим подъемом, как у Александры: бабушка любила приговаривать: «Круг пяты яйцо покати, под пятой воробей проскачи!» Вот только она, эта Лючия, была чем-то очень напугана и обеспокоена, потому что, надевая ее платья, Александра в первый момент всегда чувствовала исходящую от них тревогу, словно бы пропитавшую каждую складку, подобно легкому аромату духов. Да, верно, Лючия крепко боялась синьора Лоренцо! И этот страх роднил ее с Александрой. Понятно, что Лючия всячески стремилась убежать от такого чудовища! А вот Александра, увы, с каждым мгновением приближалась к нему.

Чезаре не стал задерживаться в Германии ни одного лишнего дня, но перед тем, как тронуться в путь, явился к Александре и спросил, что предпочитает синьорина Лючия: дать слово не пытаться бежать и пользоваться в пути относительной (он повторил, как бы дважды подчеркнув жирной чертой, это слово) свободой – или снова быть опоенной зельем, которое лишит ее всякой воли. Александра почему-то не сомневалась, что «синьорина Лючия», от которой требовалось решение, дала бы какую угодно клятву – но не замедлила бы нарушить ее при первом же удобном случае. Александра с легким сердцем поступила так же: давая клятву от имени Лючии, она не гршила перед богом. И отправилась в путь по-человечески, сидя в карете, правда, крепко зажата с двух сторон подозрительными, обозленными мужчинами, которые стерегли каждое ее движение и немного успокаивались, лишь когда видели на ее лице впечат-

ление замкнутой сосредоточенности, оторопелой опасливости, испуганной отчужденности. Но за этой маской скрывалась напряженная работа мысли.

Первый раз в жизни Александре пришлось задуматься, чтобы решиться самой на что-то, а не выполнить приказание матушки или бабушки. Даже сны ее были полны такой же заботой: как обмануть стражей, не спускавших с нее глаз?

Она уже отчаялась убедить Чезаре в его ошибке и даже привыкла не отвечать на его оскорбления. Что проку тратить силы и время на разговоры? Надо бежать. Но как? Ведь ее никогда не оставляли одну, а при туалете – только проверив запоры на окнах и дверях, причем у тех и других всегда стоял один из ее стражей. Александра понимала, что действовать надо наверняка, не то, поймав, ее снова обрекут на покорность вынужденную. Но, конечно, иногда ей трудно было удержаться от искушения и не воспользоваться тем, что казалось нечаянным подарком судьбы, хотя на самом деле оборачивалось коварной подножкой.

Они въехали в Грац. Как и везде в Европе, здесь было слишком много камня и слишком мало деревьев. Как австрийцы дышат среди этих камней?

Утомленная, разбитая дорогой, она рассеянно вышла из кареты и, с трудом разминая затекшие ноги, побрела вслед за Чезаре к трактиру под вывеской с тремя розовыми хрюшками. Витиеватую надпись прочесть было трудно.

«Наверное, опять что-нибудь королевское. «Королевские свиньи», например!» – желчно подумала она: в Австрии чуть не все трактиры несли на вывесках слово «королевский» или «императорский».

Вдруг сильный толчок едва не сбил ее на землю, а Чезаре так и вовсе рухнул, хватаясь за пояс, с которого был срезан кошелек: малорослый воришка уже улепетывал через площадь, мелькая своими кривыми, но чрезвычайно проворными ногами.

Ни секунды не мешкая, на ходу подхватив юбки, Александра бросилась за ним.

– Держи ее! – взвыл пан Казик – наверняка согнувшийся от боли, ибо Александра успела, как бы невзначай, въехать ему в живот кулаком. – Держи ее!

– Держи вора! – завопила Александра, летя, как стрела, вслед за грабителем. – Держи вора!

– Держи вора! – взревела на разные голоса заполненная народом площадь (в кирхе только что отслужили обедню, множество прихожан вышло из высоких резных дверей) – и толпа ринулась по следу, а впереди всех сломя голову неслась Александра, отчетливо различая среди всего этого оглушительного гомона два пронзительных голоса, кричавших:

– Держи ее!

Воришка оглянулся на бегу – и при виде приближающейся толпы, которую возглавляла неистовая особа в синем платье с распустившимися, как у фурии, волосами, нервы его сдали. С тоскливым, прощальным криком он отшвырнул от себя драгоценную добычу, так что кошелек упал прямо под ноги Александре, – и с удвоенной скоростью ринулся наутек. Ну а его преследовательница, поскользнувшись на толстой коже, из которой был сшит кошелек, рухнула на мостовую, пребольно зашибив обе коленки.

Впрочем, тут же подбежали любезные австрийцы, подхватили под белы ручки, подняли, осыпая цветистыми комплиментами, больше всего которых пришлось на долю резвых ножек прелестной фрейлейн. Ей подали, предварительно стряхнув с него пыль, растреклятый кошелек – и она так и стояла, прижимая его к груди и улыбаясь, как дура, всем своим вновь обретенным поклонникам, а заодно и Чезаре с паном Казиком, которые наконец продрались сквозь толпу и с двух сторон вцепились в Александру с выражением лиц, не предвещавшим ничего доброго.

У нее мелькнула шальная мысль воззвать к помощи австрийцев, очарованных ею, однако Чезаре, с явным усилием растянув в улыбке тонкие губы, отчего сделался похож на гиену, просвистел:

– Это моя жена, meine frau!

Австрияки тотчас почтительно отступились от чужой собственности. Более того! Один из них продемонстрировал свою нравственность тем, что подхватил даму под руку и чуть ли не сунул ее в объятия «супруга»... за что был награжден чувствительным взглядом Александры, о чем впоследствии, в своем кругу, отзывался так: «Ну и глянула... точно поленом по спине! Ошеломляющий взор!»

Ну а Александре, на собственном опыте удостоверившейся, что услужливый дурак опаснее врага, ничего не оставалось, как прибегнуть к последнему средству обороны: сунуть в физиономию Цезаре чертов кошель. Выходило, что она ужас как пеклась о его, этого ненавистного итальяшки, благосостоянии, и оттого бросилась не наутек, а в погоню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.